

Посвящение

Радик Сандик

В НЕОПЛАТНОМ
ДОЛГУ

Воспоминания

Иерусалим
«Филобиблон»
2019

Radik Sandik
IRREDEEMABLE OWING
Memoirs

(Jerusalem: «Philobiblon», 2019)

Редактор и оформитель
Леонид Юниверг

Корректор
Владимир Френкель

На обложке фото: ?

ISBN 978-965-7209-49-4

© Сандик Р.Л., текст и фото, 2019
© Изд-во «Филобиблон», подготовка к печати, 2019
(*leoniduniverg@gmail.com*)

Отпечатано в типографии «Ной» (Иерусалим)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я долго сопротивлялся просьбам моих детей, жены, друзей написать воспоминания о своей жизни, полагая, что ничего особенного, интересного и архинеобычного в ней нет. Каждый раз находил какие-то отговорки. Так было до тех пор, пока с подобной просьбой ко мне не обратился мой внук Лион, тогда ученик 7-го класса, которому в школе дали задание, как он сказал, нарисовать своё генеалогическое древо. В связи с этим поручением у него появилась масса вопросов – к маме, папе, дедушкам и бабушкам – о том, где они жили, учились, какие у них профессии, как сложилась жизнь их близких и родных. Обратился он и ко мне: «Деда, напиши небольшой рассказ о себе, своих родителях, бабушках и дедушках».

Проигнорировать просьбу своего любимого внука я, конечно, не смог, но когда задумался об этом его обращении, вдруг понял, к своему стыду, что очень мало знаю о своей родословной. Не знаю, потому что по молодости просто не интересовался этим – преобладали другие интересы, – а когда стал постарше и наконец пробудилась моя любознательность, то узнать что-либо о своей большой родне было уже не у кого. А главное – не было в живых ни мамы, ни бабушки – самых близких мне людей. Поразмыслив обо всём этом, я понял, насколько справедливы просьбы моих близких – написать воспоминания о всех перипетиях моей жизни, судьбах моих родителей и родственников. Нельзя допустить, чтобы с уходом старшего поколения – а все мы

смертны в этом мире – прерывались родственные взаимосвязи, забывались хорошие семейные традиции, исчезала гордость за своих предков. Именно желание оставить потомкам знания о своей родословной, своих корнях, о том, как вписалась история жизни нашей семьи в исторические события страны, а главное – передать им свою благодарную память о своих родителях, перед которыми мы в вечном неоплатном долгу, и вдохновило меня на дальнейшее повествование.

Родословная матери

Родился я 10 марта 1939 года, на Украине, в селе Старая Синява, Хмельницкой области, в семье военного. Мой отец, Лев Сандик, в это время был курсантом смоленского военно-политического училища. 1939 год вошёл в историю как год начала Второй Мировой войны. Как известно, война началась с нападения гитлеровской Германии, 1 сентября, на Польшу, потом будут балканские государства, Франция, Дания, Голландия и другие страны Европы. 22 июня 1941 года фашистская Германия нападёт на Советский Союз, и война станет для всех нас, советских людей, Великой Отечественной.

Село Старая Синява, где я родился, – это и родина моей мамы Гени Борисовны Сандик (девичья фамилия – Малкис) и её родителей: деда Бориса и бабушки Златы. История этого села начинается с XIV века, первое же упоминание о еврейском населении было в 1570 году.

До революции это было большое местечко (между городами Бердичев и Хмельницкий), половина жителей которого были евреи. В советские же времена Старая Синява – районный центр Старосинявского района. Когда же и при каких обстоятельствах появились там мои предки, мне, к сожалению, узнать не удалось.

В семье Малкис было четверо детей, моя мама была вторым ребёнком. Старшей была Бетя, 1914 года рождения – она закончила медицинское училище и работала фельдшером. Мама

Геня и Бетя Малкис. 1965 г.

родилась в 1916 году. До войны она закончила сельхозтехникум в городе Львово, Калининдорфского района Херсонской области (Калининдорфский район – первый еврейский национальный район на Украине), получив специальность агронома. Её брат Роман стал учителем физики и математики после окончания математического факультета пединститута, младшая сестра Ида, когда началась война, училась на втором курсе Киевского мединститута. Далее я расскажу, как сложились судьбы всей маминей родни после войны.

А сейчас хочу напомнить об одной из трагических страниц в истории Украины – голодоморе 1933 года, унесшем жизни миллионов людей. Именно в этом году от голода умер и мой дедушка Борис Малкис. После его

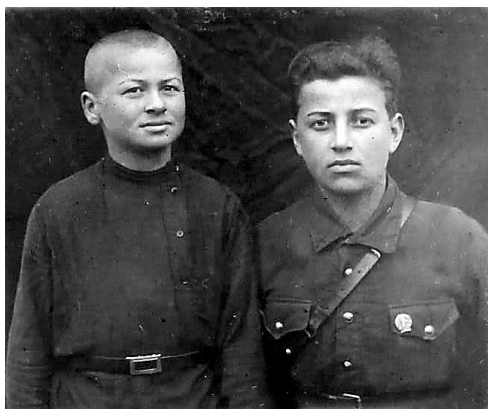
смерти все заботы о своей большой семье легли на плечи бабушки Златы, сумевшей в суровые и голодные годы не только сохранить жизнь всем своим детям, но и, по еврейской традиции, дать им приличное образование. Угроза повторения голода стала главной причиной того, что многие еврейские семьи потянулись к получению сельскохозяйственного образования – как основы эффективного земледелия. Ведь земля – главная кормилица. Может быть, поэтому моя мама и пошла учиться на агронома.

Так сложилось, что к началу войны все дети разъехались, и в Старой Синяве осталась одна бабушка Злата. Её и постигла трагическая участь евреев этого села: практически все они были расстреляны фашистами, в том числе – все родственники жены дяди Ромы, брата мамы. 580 евреев были расстреляны и зарыты в котловане в полукилометре от сахарного завода. Большинство же евреев из Старой Синявы были уничтожены в селе Староконстантиновка. А всего за годы немецкой оккупации в Хмельницкой области из 121000 евреев было уничтожено 115000. Столько было умерщвлено ни в чём не повинных стариков, молодых людей, подростков и младенцев, когда претворялся в жизнь чудовищно звериный гитлеровский план истребления евреев.

Родословная отца

Мои родители познакомились во время учёбы в сельскохозяйственном техникуме, учились в одной группе. В этом техникуме преподавание велось на языке идиш, так как там готовили агрономов, зоотехников, мелиораторов и других специалистов сельского хозяйства для еврейского национального района, следуя решениям Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Среди первых выпускников этого учебного заведения в 1933 году были также родной брат отца дядя Шура, его будущая жена тетя Сима и многие другие известные в будущем сельские работники, волею судеб оказавшиеся затем на Дальнем Востоке, в Еврейской автономной области. После окончания учёбы в 1936 году родители поженились. На следующий год у них родился первый ребёнок – дочь. Так как она родилась на Октябрьские праздники, ей дали имя Октябрина. В этом же году отца призвали в Красную армию.

Отец мой родился в 1917 году, в селе Калининдорф, Херсонской области. Оттуда родом и его родители – моя незабвенная бабушка Сарра и дедушка Рувим, в честь которого мне дали имя Радик. Дедушка Рувим погиб в годы Гражданской войны, оставив бабушку с двумя сыновьями – моим будущим отцом Лёвой и его братом Шурой. Бабушка Сарра (девичья фамилия Либина),

Шура и Лева Сандики. 1930-е гг.

председателем райсовета. В моей памяти бабушка сохранилась как человек очень добрый, ласковый, бесконечно любящей своих внуков. И в то же время она была волевой и властной женщиной, умевшей принимать в тяжёлой обстановке нужное решение. Бабушка Сарра сыграла особую роль в судьбе нашей семьи.

Благодаря записям на обратной стороне старых фотографий, можно проследить дальнейшую хронологию жизни моих родителей. На срочной службе в армии отец был два года, и завершил он её в звании старшины. Но на этом служба его не была закончена, так как в 1939–1940 годах он её продолжил, но уже курсантом Смоленского военно-политического училища. После окончания училища, осенью 1940 года, отец был направлен в город Каунас, в Литву (в том году она вошла в состав СССР), где и продолжил службу в 142-м стрелковом полку 5-й стрелковой дивизии, на должности политрука роты, в звании младший политрук.

1895 года рождения, в начале двадцатых годов закончила педучилище по дошкольному воспитанию, в молодости была активной общественной, одно время работала даже

Из интернет-сайта «Мемориал ВОВ», а точнее, его базы данных о погибших воинах в годы войны, я смог узнать номер полка и дивизии, где служил отец, его воинское звание, должность и дату гибели. А ранее, из рассказов моей мамы, мне стало известно о жизни нашей семьи в Каунасе. Перед самой войной 5-я стрелковая дивизия

была расквартирована *Сарра Сандик с сыном Львом. 1940 г.* в этом городе на территории крепости, там же жили и семьи военнослужащих. В апреле 1941 года дивизия была передислоцирована в летние лагеря в район поселения Козла Руду (в 20-ти километрах от границы с Германией), а в начале июня рота отца в составе 1-го батальона 142-го стрелкового полка была направлена на строительство противотанковых укреплений на границе с Германией, проходящей по реке Шяшупе.

В интернете даны подробные описания событий, в воспоминаниях их участников, которые развивались на этом рубеже буквально в первые часы 22 июня 1941 года. В четыре часа утра немцы начали массированный обстрел из всех орудий участка границы обороняемого пограничниками и 1-м батальоном 142-го стрелкового

полка, в шесть часов утра ими было подавлено упорное сопротивление 9-й погранзаставы 3-го погранотряда, и из 65-ти бойцов в живых осталось только пять.

Лев Сандик. 1940 г.

Но переправившись на наш берег, фашисты встретили жестокое сопротивление регулярных войск Красной армии. В ходе боёв против значительно превосходящих сил противника 1-й батальон, неся большие потери, вынужден был оставить обороняемые рубежи. В списке погибших в этих боях 22 июня 1941 г.

был и мой отец – ротный

политрук Лев Сандик. Погибнув в одном из первых боёв, защищая границу государства СССР, отец разделил участь многих и многих политруков Красной армии, главной обязанностью которых в годы войны было первыми поднимать свои подразделения в атаку и с криком: «За мной! Вперёд! За родину!» – подставлять свою грудь под пули врага. Шансы выжить у них были нулевые. Отец ушёл из жизни, когда ему было только 24 года. Я часто смотрю на фотографию, где он снят за два месяца до гибели, в офицерской форме с портупеей и двумя кубиками в петлицах. На фото очень молодой,

красивый человек, но, по моим ощущениям, уже многого достигший в своей жизни. И ведь действительно это так. К 24-м годам он успел закончить школу, техникум, отслужить срочную службу, закончить военное училище, стать офицером, жениться и дать жизнь двоим детям. Мне бесконечно жаль, что он прожил такую, хотя и насыщенную, но очень короткую жизнь, и в то же время я горжусь его яркой биографией и безмерно благодарен ему за подаренную мне жизнь.

Фамилия моего отца выбита на одном из пилонов монумента погибшим в годы войны жителям села Калининское, Николаевской области, Украина (бывший Калининдорф).

Литва, жизнь в оккупации

А теперь я хочу вернуться к первым дням войны и рассказать о тех перипетиях, которые пережила моя мама и мы её дети в эти и последующие дни. Как только началась война тут же многие литовцы, ненавидящие советскую власть, считавшие Красную армию оккупационной, повытаскивали из чердаков спрятанные винтовки и начали охоту на советских военнослужащих и их семьи. На тихих улицах Каунаса началась стрельба по ненавистным оккупантам.

В связи с такой острой ситуацией командир гарнизона Каунаса отдал приказ о немедленной эвакуации се-

мей военнослужащих. 23 июня нашей маме, при невероятной давке, всё же удалось сесть в поезд, увозящий нас на восток, подальше от войны. Довольная, что мы наконец едем, что рядом её дети, что кончился весь этот кошмар с отъездом, мама немного успокоилась – ведь она ещё не знала, что уже нет в живых её мужа, погибшего в первый день войны, что впереди её ждут невероятные испытания.

И тут мысли её оборвались от неожиданного резкого толчка остановившегося поезда и нестерпимого воя налетающих немецких самолётов. Все пассажиры бросились к выходу из вагона. Схватив детей за руки, бросилась и мама. Она бежала с детьми подальше от уже горящего поезда, а вокруг взрывались бомбы, сброшенные с фашистских самолётов, падали как скошенные люди, кричали от боли раненые. Осколком одной из таких бомб была ранена в шею и мама, потеряв сознание.

Всё это происходило недалеко от станции Йонава, поэтому, когда улетели самолёты и прекратилась бомбежка, вскоре появились санитары и куда-то унесли на носилках нашу маму. А мы с сестрёнкой оказались в какой-то заросшей бурьяном придорожной канаве. Мы, наверное, громко плакали и звали маму, ведь мне было только два года, а Октябрине – около четырех. Детский плач услышал проезжавший мимо хуторянин, человек, как оказалось, с добрым сердцем. Двое детей, чумазных, заплаканных, мальчик с огромными голубыми глазами

и черноволосая черноглазая девочка, а вокруг догорающие остовы вагонов, и никого. Он посадил нас в телегу и повёз к себе на хутор.

Так началась наша жизнь в литовской семье на уже оккупированной немцами земле. Конечно, хуторянин не знал, что мы евреи, внешне мы не были похожи, признаков еврейства не было и у меня (отец всё же был комиссар). На хуторе, куда он нас привёз, жило всего три человека – хозяин, его жена и парализованная старуха, мать хозяина. Йонасу, так звали хуторянина, было лет 40-50. Почему они жили так одиноко, мне не удалось узнать. В моей детской отрывочной памяти сохранилось ощущение какой-то гнетущей атмосферы и полумрака в этом доме, чувство непреодолимой тревоги и страха – может, потому, что не было рядом нашей мамы. По рассказам же мамы, семья эта к нам, подобранным детям, относилась довольно хорошо.

А в это время, в медпункте станции Йонава, пришла в себя наша мама, и первый вопрос её был: где мои дети? Не услышав вразумительного ответа от окружающих – ну кто мог знать, где дети этой неизвестной женщины, – она впала в панику. Для любой матери нет ничего ужаснее, чем потеря своих детей. Но когда она немного пришла в себя, то вспомнила, что вокруг идёт война, что она чуть не погибла, попав под бомбёжку, и до момента потери сознания с ней рядом были дети. Отогнав от себя мысль, что они могли погибнуть во

время бомбёжки поезда, своей женской интуицией почувствовала – её дети где-то рядом, надо только искать.

Но легко сказать – искать, ведь Литва буквально с первых дней войны была уже под немцем, а она – еврейка, жена офицера, к тому же политрука, по фашистским законам за все это расстреливают. Массовые расстрелы евреев в Литве начались уже в июле месяце. К 29 октября было уничтожено 71105 евреев, только в Каунасской крепости было расстреляно 18223 человека. Хорошо понимая степень риска, мама всё же решила любой ценой найти нас. Выдавая себя за украинку-беженку, потерявшую документы (мама действительно говорила с украинским акцентом), преодолевая боли, так как не совсем оправилась от ранения, она стала ходить по ближайшим к месту бомбёжки хуторам, расспрашивая всех о своих детях. Она не знала, сколько обошла хуторов, сколько времени бродила по дорогам Литвы, но всю жизнь помнила, сколько перетерпела страха, как холодело сердце от боязни своего разоблачения при встречах с немцами и полициями, да и с простыми хуторянами. Ей было всего 25 лет, она была довольно привлекательной молодой женщиной, и любое неосторожное слово, любой необдуманный поступок мог стоять ей жизни.

Вот так, переходя от хутора к хутору, прячась от лицаев, ночуя в стогах сена, голодая и замерзая, мама однажды узнала, что на одном из хуторов у бездетной семьи откуда-то появились двое маленьких детей – де-

вочка и мальчик. Она уже поняла, из расспросов хуторян, что это были её дети, но внезапно нахлынувшие на неё радостные чувства охладели от неожиданной мысли: а вдруг хозяин хутора и его жена не захотят отдать их, начнут расспрашивать, кто она и откуда, обратятся в полицию... До этого момента она рисковала только собой, а сейчас угроза смерти нависнет и над детьми. Взвесив всё, мать решила просто напроситься к хуторянам в работницы, не раскрывая себя (главное – быть рядом с детьми, а там что-нибудь придумает). Она уже знала, что этот литовец – владелец большого подворья, а к крестьянскому труду она приучена, по образованию – агроном, доить коров и кормить свиней также умела. Да и жить ей надо было на что-то. Последний аргумент и разжалобил хуторянина.

Так она стала жить в этой усадьбе, в отдельном домике, прячась от своих детей и еженедельно отмечаясь в полицейском участке как беженка. Мама вспоминала, что посещение полицейской комендатуры было для неё тяжелейшим испытанием. Надо было сжимать волю в кулак, чтобы не выдать свой смертельный страх быть разоблачённой. Она говорила, что каждый раз чувствовала себя как под расстрелом, и только чудо в последний момент отводило револьвер от ее виска.

Прошло несколько месяцев. Мама целыми днями работала то в коровнике, то в свинарнике, стараясь не заходить в хозяйский дом, незаметно наблюдая за своими детьми. Но однажды, когда она выгоняла скот, к ней неожиданно бросилась Октябрина, игравшая в это

время на дворе, с криком: мама приехала! И хозяин в окно увидел, как она, обливаясь слезами от переполненных чувств, стала обнимать свою доченьку и меня, подбежавшего к ней.

Вечером состоялся крутой разговор, и маме пришлось во всём признаться. Сознаться в том, что она мать этих хорошеньких ребятишек, что потеряла их во время бомбёжки поезда, будучи раненой, придумав легенду, сказала, что она украинка, жившая в Каунасе в гостях у родственников, а документы потеряла во время бомбёжки поезда. Жгучая брюнетка, с чёрными волнистыми волосами, правильными чертами лица, с миниатюрной фигурой и выраженным украинским акцентом, она могла сойти за украинку, но дать вразумительное объяснение, почему сразу не призналась во всём, мама не смогла. Страх, что хозяин, при всей его доброте, прекрасном отношении к детям, всё же заявит на неё в полицию, потому что она не тот человек, за которого себя выдавала, заставил её принять решение покинуть хутор незамедлительно.

Наскоро собрав всё необходимое, еду и тёплые вещи, тайно, этой же ночью, забрав своих детей, она ушла с хутора. Как рассказывала мама, она понимала, что рано или поздно ей придётся с детьми уйти, поэтому заранее продумала свои следующие шаги. Дальнейший путь её теперь лежал к хутору в окрестностях Каунаса, где проживала мамина приятельница Полина Ивановна, торговка с каунасского рынка, у которой мама покупала молоко, овощи и фрукты, когда жили в Каунасе. Полина

Ивановна была средних лет, одинокая, очень располагающая к себе женщина. Мама с ней ранее довольно много общалась и даже бывала у неё дома на хуторе.

Путь был далеко не близкий, несколько десятков километров, но чтобы исключить неожиданные встречи с немцами или полицией, мама решила идти только по ночам. Так мы шли по просёлочным дорогам, прячась днём в копнах сена, которые, из-за влажного климата в Прибалтике, для просушки накладывались на сооружённый из веток шалашик. В моей памяти сохранился эпизод, сильно потрясший мою детскую психику, – неожиданный крик матери: немцы! И в это же время, цепenea от страха, я увидел из копны сена, точнее, сенного шалашика, как по дороге мимо нас проезжали верхом на лошадях два немца.

Волей судьбы через двадцать лет я оказался в Прибалтике, только не в Литве, а в Латвии (служил в армии), и увидел копны сена, наваленные на такие шалашики, чтобы сено лучше сохло, и тогда я вспомнил этот эпизод и понял, почему мы так быстро оказались внутри копны, не выдёргивая сено.

В годы войны на территории Литвы немцами и их литовскими приспешниками было уничтожено 95 процентов еврейского населения. Среди тех пяти процентов, кто чудом уцелел в этой гитлеровской мясорубке, была наша мама и мы, её дети. Рассказывая о том страшном времени, мама всегда подчёркивала, что мы выжили тогда только благодаря мужеству и доброте простой русской женщины Полины Ивановны. Это она,

зная, что мы евреи и семья политрука, понимая, что ей грозит расстрел за укрывательство евреев, практически всю войну прятала нас на своём хуторе. Это она кормила и поила нас, создавала приемлемые условия для нашего существования, давала свою одежду и лечила, когда мы хворали. На случай разоблачения Полина Ивановна придумала историю, что мы её родственники, приехавшие к ней из Украины в гости ещё до войны, а для большей убедительности навесила на наши шеи крестики.

Рисковала она жизнью не только за укрывательство евреев, но и за связь с партизанами. Время от времени Полина Ивановна поставляла к ним в лес продовольствие, а когда мы жили у неё, к этому весьма опасному делу она приобщила и маму. Однажды, перебирая документы, которые остались после смерти матери, я обратил внимание на одну справку, точнее, на то, что там было написано: «Справка дана Сандик Гене Борисовне в том, что она являлась членом партизанского отряда "За Родину"» – печать и подпись командира отряда. Читая этот документ, я вспомнил рассказ матери о нашей жизни у Полины Ивановны на хуторе, обычной крестьянкой усадьбе, все надворные постройки, которой были обнесены высоким забором.

Местом нашего постоянного проживания была летняя кухня, а в случае появления полицаев, немцев или любых непрошенных гостей мы немедленно прятались в её подполье, предназначенном для хранения картошки и овощей, где для нас были сооружены небольшие нары.

Хутор стоял на отшибе, вдали от большой дороги, в центре огромного пустыря, что давало хороший обзор и возможность увидеть всех непрошенных гостей далеко от усадьбы. Полина Ивановна, как и до войны, торговала на каунасском рынке молоком и плодами урожая, выращенном у себя в огороде. Товар свой она возила на телеге, и когда проезжала по дороге установленное место, возле леса, большую часть его передавала партизанам.

Занятие это, то есть её торговля, было привычным для окружающих и до поры не вызывало подозрений. Нередко, чтобы купить картофель или овощи, покупатели приезжали и на хутор, в том числе немцы и полицаи. Для нас это были самые тяжелые дни, особенно зимой. Дрожа от страха и холода, боясь чихнуть, мы лежали на нарах подполья, тесно прижавшись друг к другу, с нетерпением ожидая, когда наконец уйдут гости.

Вот так однажды неожиданно днём нагрянули два полицаи, так что мы еле успели спуститься в подполье, а они, ни слова не говоря, стали ходить по всем строениям подворья. Осмотрели хозяйский дом, заглянув в погреб, залезли на сеновал, потыкав вилами сено, зашли на скотный двор и пришли в летнюю кухню. Люк в подполье на кухне находился у самого порога и был накрыт небольшим половиком. Стоя на этом половичке, полицаи внимательно всё осмотрел, и не найдя ничего подозрительного, вышел. Страх от боязни разоблачения парализовал наши тела, когда мы сидели буквально под ногами этого фашистского палача. Подойдя к оторопев-

шей хозяйке, один из полицаев сказал: «Смотри, Полина, если прячешь жидов, ты знаешь, что тебя ждёт». И они ушли.

После такого визита Полина Ивановна поняла, что её дом под подозрением, и не решаясь испытывать судьбу, решила переправить нас в лес, к партизанам. Так за несколько месяцев до освобождения Литвы Красной армией мы оказались в партизанском отряде. Это было в начале лета 1944 года. Жизнь в лесу стала ещё одним испытанием для мамы и для меня с Октябриной. Сырая землянка, изнуряющий холод и голод, общая неустроенность, предыдущая подвальная жизнь сильно подорвали здоровье, особенно моей сестрёнки, на восстановление которого потом ушли многие послевоенные годы.

Партизанский отряд «За Родину» не только спасал многих таких евреев, как мы, и тех, кто бежал из гетто, но и вёл активные боевые действия, помогая советским войскам приблизить день освобождения Литвы от фашистской нечисти. Я, хотя мне было тогда только пять лет, хорошо помню, как мы (я, Октябрина, мама и многие другие) бежали навстречу нашим советскими танкам, и как один из танкистов взял меня на руки и дал мне кусок хлеба с маслом. Этот кусок хлеба с маслом я запомнил на всю жизнь.

Украина, Старая Синява, Херсон

Август 1944 года. Литва наконец свободна от фашистов, нам уже не нужно прятаться в лесу, скрывать своё еврейство, нам только надо поторопиться сесть на товарный поезд, чтобы доехать до Москвы. Мы бежим по рельсам, мама – в старой солдатской гимнастёрке, брюках галифе, на ногах солдатские ботинки в обмотках, с мешком, перекинутым через плечо, я – в каких-то непомерно больших сапогах, Октябрина – в старой огромной кофте. Вдруг я спотыкаюсь и выхожу из сапога. Теперь бегу, прихрамывая, уже в одном сапоге, пока это не увидела мама. «Что ты ковыляешь? Где твой сапог?» – спросила она. «Я его потерял» – «Тогда выбрасывай и второй», – сказала она. Так я оказался босиком и в таком виде, вместе с мамой и сестрёнкой, приехал в Москву, где маме надо было получить какие-то документы.

Видимо, пережитое в раннем детском возрасте так потрясло мою психику, что я боялся быть без своей мамы даже минутку. Октябрину смогли уговорить остаться на вокзале, в комнате матери и ребёнка, а меня – нет. Крепко держа маму за руку, я мотался с ней по инстанциям в Москве для получения нужных бумаг. Мне так оттоптали мои босые ноги в толкучке метро, автобусах и на тротуарах, что они превратились буквально в кровавое месиво, но я не плакал, настолько страх потерять маму пересиливал боль. И как оказалось, этот мой страх потерять маму был не напрасным.

Вечер, московский вокзал, мы садимся в вагон-теплушку товарного поезда, идущего на Украину. Мама сначала посадила и передала внутрь уже набитого людьми вагона Октябрину, потом посадила меня. Я стою и жду, когда она сядет. Только мама сняла с плеча свой мешок и положила на пол вагона, как поезд тронулся. Я увидев, что мама удаляется от меня, стоя на перроне, и тут же прыгнул к ней на ходу уже набирающего скорость поезда, а Октябрина, бывшая уже в глубине вагона, уехала. И тут тишину ночи потряс ужасный от безысходности и отчаяния крик. Это кричала из всех сил моя мама. Она недавно, спасая себя и своих детей, прошла все круги ада, и вот опять теряет своего ребёнка. Пережить это снова было выше её сил. И случилось чудо: может, машинист услышал этот раздирающий душу крик, может, по другой причине, но поезд неожиданно остановился и стоял, пока мама со мной не села в свой вагон. Мы счастливы, мы снова вместе, мама плачет и крепко обнимает Октябрину и меня, плачут и улыбаются люди, плотным кольцом окружившие нас соседи по вагону, с серыми, измученными войной лицами.

С той поры прошло уже более семидесяти лет, но всё пережитое мной и моей сестрой в нашем раннем детстве, во время войны, всё еще тербит и тревожит наши души. Нам бесконечно жаль, что уже нет с нами нашей мамы — она ушла из жизни, когда ей было только пять-

десять два года, и мы не успели сказать ей слова благодарности за её материнский подвиг. Когда фашистским зверьём велась настоящая охота на евреев, её материнская любовь оказалась сильнее страха смерти. Ежеминутно рискуя быть разоблачённой и погибнуть, она спасала нас и себя. Мы безмерно благодарны своей маме за то, что не разделили участь миллионов потерянных во время войны детей, оказавшихся потом в детских домах и приютах.

Мучают нас и угрызения совести из-за практической невозможности поклониться в ноги святой женщине, нашей спасительнице Полине Ивановне. Мы не знаем ни её фамилии, ни как сложилась её судьба после войны. По этой же причине не можем мы сказать слова искренней признательности и другому доброму человеку, подобравшему и приютившему нас, потерявшихся детей, в самые первые дни войны.

Но после приезда на Украину, на родину мамы – в село Старая Синява, осенью 1944 года, наши мытарства ещё не закончились. Хотя Украина была уже освобождена от немцев и повсюду в городах и сёлах налаживалась мирная жизнь, страх погибнуть теперь от рук бандеровцев, заполонивших леса Западной Украины, висел над каждым, особенно над евреями, партийными и советскими работниками и их семьями. Слухи об их зверствах, бандитских ночных налётах то и дело приходили из разных деревень.

Жили мы в доме маминых родителей, мама работала секретарём сельсовета, то есть была на советской работе. Боязнь, что она и дети могут стать жертвой бандеровского разгула, мучительно преследовала её все время. Чтобы обезопасить нас, меня и Октябрину, уходя на работу, она закрывала дом на ключ. Я хорошо помню, как хотелось нам поиграть на улице с другими детьми, но мы не могли, так как находились под замком.

Вот так, изо дня в день, мы сидели на широком подоконнике окна, выходявшего на улицу, с завистью и вожделением наблюдая за происходящим там, во дворе, мысленно играя с детворой в классики или в скакалку. Но чуть не погибли мы не от бандеровцев, а от угарного газа. Как-то очень рано мама закрыла печную задвижку, чтобы сохранить тепло в избе. Следствием было тяжёлое отравление угарным газом всей нашей семьи. Остались мы живы только потому, что я проснулся первым, захотел в туалет, и почувствовав с собой что-то неладное, с большим трудом разбудил угоревшую маму, а потом вместе с ней буквально чудом привели в чувство и Октябрину.

Наше более чем полугодовое домашнее заточение закончилось только, когда приехали к нам бабушка Сарра с дедом Яковом, её вторым мужем. Они уговорили маму переехать жить в город Херсон. Бабушка Сарра с дедом Яковом войну пережила на Дальнем Востоке, в селе Лохвицы, Куйбышевско-Восточном районе Амурской области, куда успели эвакуироваться из Херсона. Жили там бабушка и

дед Яков в большой семье (невестка и трое внуков) своего старшего сына Шуры, работавшего к тому времени директором Лохвицкой МТС.

Дядя Шура жил в этой деревне с 1933 года, куда был направлен как молодой специалист после окончания сельскохозяйственного техникума. В армию его не призывали из-за очень плохого зрения. В 1943 году бабушка получила похоронку на моего отца. Весть о потере сына буквально подкосила её, но тяжесть этой утраты усиливалась и от незнания, до самого конца войны, судьбы его семьи. Она писала и писала письма по всем адресам, чтобы найти своих внуков – меня и Октябрину. Поэтому, когда она узнала, наконец, наш адрес, то решила немедленно выехать на Украину.

Так она оказалась в Старой Синяве и уже оттуда привезла нас в Херсон, город её довоенного проживания. Город этот был весь в

развалинах, разрушена *Мама, бабушка Сарра, Октябрина и я.*

была прямым попаданием бомбы и их старая квартира, но дед Яков, будучи неплохим столяром, смог приспособить для более-менее приемлемого проживания один заброшенный барак, где при немцах была конюшня. В квартире, состоящей из кухни и комнаты, устроенных в бывшей конюшне, был земляной, точнее, глиняный пол и страшная сырость. Печь топилась камышом, а освещение было от тусклой керосиновой лампы.

Любимое моё занятие было сидеть на кухне и ковыряться в этом глиняном полу, доставая из него гильзы, патроны и пули, или вместе с сестрёнкой бродить по развалинам, окружавшим наш дом, в поисках игрушек, оставшихся от живших там раньше людей.

Жизнь нашей, теперь уже большой семьи, понемногу начала устраиваться. Бабушка стала работать заведующей детским садом, там же завхозом работала и мама, в этот же садик ходили и мы с сестрёнкой.

И всё же разные невзгоды и напасти не покидали нас и здесь. Всё лето и осень 1945 года болела Октябрина: сначала скарлатиной, потом различными осложнениями. Переболел малярией и другими болячками и я. Наши болезни, особенно Октябрины, с которыми она боролась ещё многие годы, конечно, следствие тяжелейших, может быть, и не всегда осознанных испытаний, легших на слабенькие детские организмы в годы оккупации.

Моя избирательная детская память сохранила несколько трагических эпизодов из жизни в Херсоне. Помню, как у меня на глазах бабушка упала в обморок, когда увидела вдруг на улице своего сына Лёву, моего

отца, хотя имела на него похоронку. А как оказалось, это был молодой человек, очень похожий на него.

Навсегда осталась в моей памяти и такая картина. Жаркий июльский день, вся семья сидит кружочком прямо на земле возле дома, и все плачут. Внутри этого круга – кучка тлеющего, догорающего тряпья, – всё, что осталось от зимней и летней одежды и постельного белья. Так как в доме было очень сыро, бабушка каждое воскресенье проветривала всю постель и одежду в сарае, где была летняя кухня. Там же, в углу, стоял столлярный верстак деда, и всегда было много стружки. В тот день из плиты на неё упал горящий уголёк, мгновенно всё вспыхнуло и сгорело за несколько минут. Так мы остались голые и босые в прямом смысле.

Этот пожар стал последним звонком, чтобы принять решение о переезде на Дальний Восток, к дяде Шуре. Мысль о переезде давно созревала у нашей бабушки. Сколько можно было терпеть, уже два года как кончилась война, а мы всё ещё живём среди развалин в квартире-землянке, без всякой перспективы изменить что-то. В ноябре 1947 года бабушка, дедушка, мама, Октябрина и я с небольшими пожитками, со всем, что осталось от пожара, садимся в поезд, увозящий нас через всю Украину и Россию в далёкую Амурскую область.

Дальний Восток, Амурская обл., Куйбышевка-Восточная

Волею судьбы вся дальнейшая жизнь нашей семьи теперь будет связана с Дальним Востоком. Там пройдут мои школьные годы, в городе Куйбышевка-Восточная (сегодня – г. Белогорск) Амурской области. Этот провинциальный город стал для меня родным и близким, так как в нём прошло моё послевоенное детство. И хотя оно было не такое уж безоблачное, нежная и добрая память о том времени, о людях, меня окружавших, о моих учителях и друзьях всегда со мной.

Жили мы, мама и я, на «Горе» – так назывался один из районов нашего городка – в двухэтажном деревянном доме, на втором этаже, в махонькой комнате коммунальной квартиры (три семьи на одну кухню), с печным отоплением и со всеми удобствами на дворе. Мама целыми днями была на работе – продавцом в продовольственном магазине, а я был предоставлен самому себе (Октябрина жила с бабушкой в Биробиджане). Мама уходила на работу, когда я ещё спал, и приходила, когда уже спал. Воспитывали меня добрые соседи по общей кухне, дворовая шпана и школа. К счастью, школа была рядом с домом, и большую часть времени я проводил там.

В выходные дни, когда мама была дома, она, с озабоченным видом, часто что-то считала на счётах, а мне хотелось, чтобы она улыбалась. Я засовывал подушку под рубашку, брал подмышку портфель и изображал из

себя ревизора, пришедшего её проверять. Мама, увидев такое чудище, начинала смеяться, и цель была достигнута – мама улыбалась.

Были у меня и домашние обязанности: с девяти лет я должен был зимой, придя со школы, топить печку, приносить воду из колодца. Хорошо помню, что колодец был очень глубокий, а я не мог дотянуться до верха ручки, которую надо было крутить, чтобы вытащить ведро из колодца. Я ждал, когда подойдёт кто-то из взрослых и поможет мне вытащить ведро с водой.

Отца не было. Мать не выходила замуж из-за моего детского эгоизма – все её ухажёры мне не нравились. Помню, как я – мне лет восемь-девять – с мамой приходил в мужскую баню, и она просила чужих пожилых мужчин помыть меня.

Всё моё свободное время от уроков и домашних трудов я проводил на улице. Телевизоров и компьютеров, понятно, тогда не было, все дети от мала до велика – как тогда говорили «дворовая шпана» – до позднего вечера играли во дворе дома в лапту, «третий лишний», футбол, волейбол, играли на деньги (копейки) в «чику», «пристенки» т.п.

В квартале от нашего дома был Дом офицеров советской армии, парк и стадион. В парке был летний кинотеатр. В жаркие летние дни дети спали в сараях, у нас тоже был небольшой сарай. Вечером я ложился там спать, закрывался изнутри на крючок и ждал, когда мама убедится, что я уже сплю, подёргав за дверь. Она не догадывалась, что дверь иногда была закрыта, но

меня там не было. Я привязал к крючку верёвочку и приловчился закрывать его, находясь снаружи. А сам с друзьями ходил в кино – прямо через забор летнего кинотеатра. Высоченный забор не был для нас преградой: подставив к нему вертикально парковые скамейки, мы как по лестнице свободно через него перемахивали.

Однажды я, перекинув через этот забор ногу, почувствовал сильнейший, от всей души, удар по ней палкой. От боли я потерял ориентир и прыгнул прямо в расprostёртые руки ударившего меня мужика. Оказывается, этот злосчастный вечер был итогом объявленного милицией дня борьбы с «зайцами». В общем, для меня и ещё для двадцати таких «зайчат» вечер закончился детской комнатой милиции, куда нас доставили как настоящих преступников, на чёрном воронке. Рано утром, когда мама убедилась, что я не ночевал в сарае, она обратилась в милицию, где ей сказали, что я в детской комнате. История эта закончилась тем, что моей мамой преступниками были объявлены, естественно, все бездушные милиционеры, так как из-за них её сын-паинька был голодный и холодный и не спал всю ночь.

Такая материнская любовь, исключая возможность любой шалости своего сына, априори не допускающая каких-либо упрёков чужих людей в его адрес, была одной из причин моего относительно прилежного поведения в школе. Я всегда знал, как плохо будет моим учителям, посмеявшим вызвать маму в школу, и старался, чтобы не было поводов вызывать её в школу ни по учёбе, ни по поведению. Учёба, а я учился на «хорошо», а в отдельных

классах и на «отлично», давалась мне легко, но я не был, как сейчас говорят, «ботаником», мог и двойку схватить, особенно по русскому языку, а когда влюбился, в седьмом классе, и вовсе съехать на тройки.

Девочка, предмет моих грёз – её звали Аллой, – сидела за партой сзади меня, и я большую часть урока всегда был повернут к ней, о чём-то болтая. У неё была подруга Люда, которая нравилась моему другу Андрею Мокроусову. Иногда мы все вместе ходили в кино на вечерние сеансы. Бывало, мы с Андреем провожали подружек со школы домой.

Прошло более шестидесяти лет после моего последнего разговора с Аллой. Был тёплый, весенний майский день, уже были сданы все экзамены за 9-й класс, мы случайно встретились во дворе школы, я подошёл к ней и спросил, какие у неё планы на каникулы. Она почему-то грустно ответила, что уезжает. Я спросил: «На лето?» Она ответила: «Нет, навсегда – отца переводят в Читу». (Он у неё был военный). Сердце моё остановилось, но всё, что я догадался тогда сказать: «Это очень плохо». И в это время увидел, как наш одноклассник Рафаил Погосян машет мне рукой, подзывая меня. Оставив Аллу, я подошёл к нему узнать, что он хочет. Мы о чём-то поговорили, и когда я наконец оглянулся, Аллы уже не было. Она, не дождавшись меня, ушла, и как потом оказалось, навсегда. Судьба нас развела. Мы с мамой вскоре переехали жить в другой город, а она, как говорила, уехала в Читу, но трогательная память о чистой, детской

моей первой любви осталась у меня на всю жизнь, как и осталось тайной, была ли она ответной. Тайной и для неё, ведь я так и не признался ей в своих чувствах. Не признался, хотя мысленно тысячу раз говорил ей самые красивые слова. Всё, что я смел тогда, – бесконечно смотреть в её огромные коричневые глаза и забывать обо всём на свете...

Общественная нагрузка (председатель Совета отряда, председатель Совета дружины, секретарь комсомольской организации класса – учителя почему-то постоянно выдвигали меня в какие-то «начальники»; летом – поездки в пионерские лагеря или к бабушке на каникулы в Биробиджан, школьные друзья, первая любовь – всё это оставило в моей памяти самые тёплые, самые волнующие воспоминания.

Бабушка Сарра, дедушка Яков и мы с Октябриной. 1950 г.

10-й класс – Житомир, Кемерово

Покинул я этот город в 1956 году. Так случилось, что 10-й класс я заканчивал в двух школах. Первое полугодие учился в 25-й школе города Житомир, второе – в 41-й города Кемерово. Так как мама работала в железнодорожном ОРСе, ей и её детям (иждивенцам) был положен бесплатный билет для проезда по железной дороге в любой конец страны. Когда мне исполнилось 17 лет, а Октябрине – 19, мама сделала нам подарок: меня отправила на лето погостить к своему брату, моему дяде Роме, на Украину, в Житомир, а Октябрину – к своей сестре, тётё Иде, в Кемерово, на Кузбассе.

Дядя Рома, работая учителем физики и классным руководителем 10-го класса 25-й школы, решил помочь маме в воспитании ее сына, т.е. меня, и уговорил маму оставить меня на год жить у него и учиться в его классе. Вспоминая свою жизнь в семье дяди, понимаю, как не просто было решиться на такой благородный шаг. Дядя Рома, тётя Оля и их дочь Рая занимали одну комнату в коммунальной квартире, и моим спальным местом была раскладушка возле печки. И хотя отношение ко мне было вполне доброжелательным, я понимал, что моё присутствие вносило определённые неудобства в привычный уклад жизни семьи.

В классе, где дядя Рома был классным руководителем, я довольно быстро стал своим, никак не афишировал свои родственные связи перед одноклассниками. Учился хорошо, особенно по математике, а вот по физике я стал

замечать, что дядя занижал мне оценки. Вечерами мы дома, сидим за одним столом, я делаю уроки, а дядя проверяет контрольные. Смотрю, он проверяет мою работу, там нет ни одной ошибки, а он ставит 3. Я спрашиваю: «Почему?» – «Потому что ты – мой племянник».

В общем, постепенно стали накапливаться обиды, я всё больше стал чувствовать, что я не ко двору. Сначала я этого не показывал, добросовестно выполнял просьбы тёти Оли – провожал Раю в школу и из школы, помогал дяде в ремонте его автомобиля, трофейного «Фиата» – малюсенькой машины, которую ученики дяди прозвали «Лайбой Романовной». Дядя Рома всегда брал меня в поездки в качестве живого стартера, так как машина никогда не заводилась и приходилось её толкать. Не заводилась из-за аккумулятора, который, наверное, был ещё древнее, чем эта «Лайба», – я каждый день носил этот аккумулятор в сарай на зарядку. Носил до потери штанов-шароваров. Однажды надеваю эти шаровары, а там только резинка от них – они, съеденные аккумуляторной кислотой, остались на полу. Была у меня и своя машина, которую друзья прозвали «Лайбой Радиковной», – ржавый велосипед, наверное, тоже трофейный. Чтобы не смешить народ, я на нём катался только после захода солнца.

У дяди я прожил полгода. Чувство вины перед семьёй дяди Ромы – я понимал, что их стесняю, да еще тоска по маме в итоге привели меня к решению уехать к матери в Кемерово, куда она перебралась к этому времени. Мама всегда была легка на подъём. Поэтому, ко

гда её сестра Ида пригласила пожить у неё, она не задумываясь приняла это предложение. Так мама оказалась в Кемерово. Тётя Ида после окончания Киевского политехнического института, получив специальность инженера-химика, была по распределению направлена в этот город. В то время

Моя мама. 1950-е гг.

она преподавала химию в Горном институте, была не замужем, без детей и, может быть, поэтому пригласила маму скоротать с ней одиночество, пожить у неё, пока мама не устроится. Тетя Ида жила в одной комнате в коммунальной квартире на три семьи.

Мама, конечно, была рада моему переезду, хотя он и убавил удобства в их проживании, но тогда все так жили. Учёбу я продолжил в 10-м классе школы № 41. Эта школа была одна из лучших в городе, там преподавали прекрасные учителя, особенно по математике и физике. Опять новые учителя, новые друзья, новые впечатления...

Техникум – Куйбышев (Новосибирская обл.)

После окончания школы со средним баллом чуть более четырех, естественно, встал вопрос: куда пойти учиться? Как выяснилось, моя профессиональная ориентация никого не волновала, меня в том числе. Мама, как всегда на работе, тётя тоже занята собой. Поэтому институт я выбрал сам, по принципу – где меньше вступительных экзаменов, и им оказался Новосибирский сельскохозяйственный факультет механизации сельского хозяйства. Для себя и для матери я придумал утешение, что иду по стопам родителей: отец, мать, дядя – все получили сельскохозяйственное образование.

1957 год, в котором я закончил школу, вошёл в историю страны как год Всемирного фестиваля молодёжи, проходившего в Москве, и в этом же году вышло постановление правительства о новых правилах для поступающих в ВУЗы. В соответствии с ними главным преимуществом при поступлении в институты стали пользоваться лица, имеющие трудовой стаж не меньше одного года. Они шли вне конкурса. Новые правила стимулировали большой наплыв в ВУЗы производителей, создав серьёзные трудности для десятиклассников, только что закончивших школы.

Сдав математику на 5, физику на 5 и литературу на 3, я не добрал одного балла до проходного. В деканате мне и моему другу Володе предложили стать кандида-

тами в студенты, т.е. учиться без стипендии первый семестр и ждать, чтобы кого-то отчислили и на их место взяли нас. После трехдневного обдумывания мы решили принять это предложение и пришли в деканат для оформления. На нашу беду, деканат был закрыт, а возле его дверей топтался какой-то мужичок с портфелем. Этот мужичок оказался талантливым и очень настойчивым человеком: он сумел убедить меня, наивного пацана, отдать ему свои документы (оценочный лист) и стать студентом Куйбышевского техникума механизации сельского хозяйства (Новосибирской области), чьим представителем он был. Убеждающие аргументы у него были неотразимые: ты городской парень, не живший в деревне, хочешь получить сельское образование, потратить на это пять лет, а вдруг это не твоё призвание. Может, лучше проучиться два с половиной года в техникуме), поработать в деревне, а потом уже определиться – твоё это или не твоё.

Вот так, поступая в институт, я поступил в техникум, а слова этого человека стали для меня пророческими. Ведь я потом действительно поменял профессию. Конечно, дома был скандал, мама и тётя Ида, обозвав меня дураком, настаивали вернуться и всё переиграть, но я не сдался.

Итак, я, городской парень, – студент техникума, основной контингент которого – деревенские парни из разных районов Новосибирской области.

В общежитии техникума. Конец 50-х гг.

В одной комнате общежития нас было семь человек, но жили мы весело, дружно, помогая друг другу в учёбе, делясь последним куском хлеба, в прямом смысле, так как стипендии, как правило, хватало только на полмесяца. Многие из нас были из бедных семей, очень скромно одевались, поэтому на свидание с девушкой часто приходилось ходить в костюме друга. Я с большой теплотой и любовью вспоминаю своих друзей: Василия Мищенко, Колю Бакуменко, Федю Дружинина, Жору Бекера и других.

Учился я легко, но оценки «отлично» получал в основном по общеобразовательным предметам: высшая математика, механика, сопромат, технология. Хуже давались специальные предметы. Сельские ребята, ко-

нечно, лучше меня знали устройство автомобилей, тракторов, комбайнов, ремонтное дело. Время, проведенное в стенах техникума, было не только временем получения новых знаний, но и, что не менее важно, временем приобретения новых жизненных впечатлений, первых трудовых навыков.

Разве можно забыть первое свидание с девушкой, первый поцелуй, первый глоток выпитого вина и водки. Да, да, мне было девятнадцать лет, когда на молодёжной вечеринке я первый раз выпил не глоток, а сразу стакан водки, как все, не зная последствий. Все пьют, и я пью, даже не морщась. Когда я пришёл в себя после такого возлияния, то первое, что увидел, – какую-то бабку, которая, крестясь, сказала: «Ой, сыночек, слава Богу, а то мы думали, что ты уже помер». Борясь с тошнотой, я с трудом оторвал голову от подушки и побрёл домой, к себе в общежитие. Был июнь месяц, утро, все идут на работу, а навстречу им идёт чёрт с рогами. У меня был довольно приличный чуб, а когда мне было очень плохо я облегчился прямо на подушку. Так содержимое моего желудка оказалось у меня на голове и высохнув превратило её, для встречающих, не похмелившихся алкашей, спешивших на работу, в чёрта с рогами. До сих пор помню их испуганные лица и неудержимый смех других прохожих, и им было отчего смеяться. Я это понял, когда увидел свою тень на тротуаре, космы моих волос, стоящих, как антенны инопланетянина. А самому мне тогда было так плохо, что сама мысль о возможном употреблении спиртного ещё долгое время вызывала у меня тошноту.

С сокурсниками по техникуму. 1959 г.

Во время учёбы я, городской мальчишка, познал многие сельские профессии. И не только сельские. На летние каникулы все студенты разъезжались по своим деревням, я тоже уезжал в свою «деревню» – Кемерово. Для меня особенно памятными были каникулы после третьего курса, когда я, по предложению своего школьного друга Вальки Зиневича, студента Горного института, всё лето проработал с ним в геолого-разведочной партии в Кемеровской области. Геологи искали гравий, вот такой «редкий» минерал, а моя работа была копать шурфы, ямы метр на метр, там, где покажет начальник. Мне было девятнадцать лет, остальным членам экспедиции, парням и девушкам, – столько же, только один был «старик», начальник, инженер-геолог, ему было года двадцать четыре. Целыми днями мы ходили по дорогам, полям, холмам и оврагам, я копал шурфы, Валька ходил

с линейкой, начальник Сергей – с теодолитом, кто-то забивал столбики-пикеты на обочинах дорог. А вечерами собирались все у костра, ужинали, вели бесконечные разговоры и пели песни под гитару до поздней ночи. В память об этих каникулах у меня остались первые мои наручные часы, купленные на заработанные тогда деньги. Это были незабываемые моменты моей романтической молодости.

Возвращаясь к сельским профессиям. Две уборочные кампании я работал на комбайнах, страду 1958 года – на древнем прицепном С-6 стоял на копнителе, следил, чтобы, когда он заполнится соломой, своевременно открылся и сбросил копну. Но, увы, часто этой операции не происходило, потому что решётка заклинивала и не подымалась. Мне приходилось прыгать на ходу с комбайна и открывать её вручную, дергая за специальную веревочку, и копна соломы вываливалась, а если не успевал отскочить, то прямо на меня. Так что получалось – я за комбайном больше бегал, чем ездил.

В страду 1959 года я уже работал помощником комбайнёра на самоходном комбайне СК-4М. Я не помню, сколько центнеров мы намолотили зерна, помню только то, что за работу я получил пять мешков пшеницы на трудодни, и как трудно было их продать, чтобы получить живые деньги.

На всю жизнь я запомнил свой первый и последний опыт общения с лошадьми. Обычно каждый учебный год начинался с помощи студентов колхозам или совхозам. Работали в основном на зерновых токах, погрузке

машин, возивших зерно на элеваторы, на копке картофеля и т.п. А мне поручили более «тонкую» работу: отвозить копны соломы, расставленные зерновыми комбайнами по полям, к скирде, на волокуше с запряженными в неё двумя лошадками. Всё ничего, но до этого я живую лошадь видел на расстоянии не менее ста метров. Правда, я довольно быстро научился запрягать лошадей, распрягать, кормить, управлять, и даже не боялся ставить путы, но ездить мне пришлось, сидя на одной лошади верхом и без седла, то есть на голом крупе. Мне было двадцать лет. После работы вся молодёжь ходила на танцы, но какие танцы – я натёр такие мозоли на нижней части спины, что просто не мог ходить. Да и единственные штаны, которые были и парадными, и рабочими, я за десять дней протёр до дыр.

Но всё кончается, и эта ответственная работа тоже, я собрался ехать домой и попросил хозяйку дома, где мы жили, дать мне лоскуток чёрной ткани, чтобы залапать дырки на штанах. Она долго искала, и всё, что наконец нашла, были две маленькие тряпочки – одна белого, другая голубого цвета. В общем, выбора не было, пришлось что было.

Новосибирск, вокзал, я иду по вокзалу, навстречу милиционер. Он останавливает меня и спрашивает: «Ваши документы». Я показываю студенческий билет. Он говорит: «А я думал, вы клоун». Я говорю: «Почему?» Он отвечает: «Что за цирк вы устроили? Посмотрите, все смеются, что за глаза на ж...пе, почему они

разные и ещё подмигивают, когда вы ходите?» Вот такой был смешной случай. А во всём виноваты лошади.

Но в студенческой жизни были и несмешные истории. Зима, я собираюсь ехать на каникулы домой в Кемерово, но денег на железнодорожный билет не хватает. Как всегда, друзья приходят на помощь, естественно, советом: «Ты возьми билет до ближайшей станции, зайдешь в вагон и сразу лезь на верхнюю полку, которая для чемоданов, – ты маленький, там тебя видно не будет, так доедешь до места. А если проводник докопается, скажешь – ой, я проспал свою станцию. Он тебе поверит». Я всё сделал как учили, купил билет до какой-то станции, зашёл в вагон, залез на ту полку и крепко уснул. Проснулся оттого, что кто-то дёргает меня за ногу. Это был проводник. «Ваш билет, молодой человек?», – спросил он. Я показываю ему билет. Он посмотрел на него и сочувствующим голосом сказал: «Молодой человек, вы же проехали свою станцию». Я, как учили, сказал: «Ой, проспал». Проводник успокоил меня словами: «Ничего страшного, сейчас будет остановка, сойдёте, а там вы как-нибудь доберётесь». Моя просьба к нему обо мне не беспокоиться не была услышана, и он буквально вытолкнул меня на первой остановке.

Зима, ночь, и я стою один на каком-то полустанке Транссибирской железной дороги. Мне повезло, это был не разъезд, а маленькая станция с маленьким вокзалом, и после моего отчаянного стука двери его откры-

лись. Дежурный по вокзалу оказался добрым человеком: услышав мой рассказ, он меня успокоил, что следующий поезд будет только через сутки, другие пассажирские поезда не останавливаются, останавливается только поезд, на котором приехал. Этот же дежурный не только не дал мне «умереть» с голоду и от жажды, но когда через сутки пришёл поезд, уговорил единственных пассажиров на станции – морячка с женой – выдать меня за их провожатого, дать мне чемодан и занести его в вагон, а там я должен сориентироваться сам. Всё же таки мир не без добрых людей.

Всего за годы, проведенные в техникуме, я получил специальности, кроме комбайнёра, тракториста, токаря, слесаря 3-го разряда и шофёра 3-го класса.

Работа в Баганской РТС (Новосибирская обл.)

В начале марта 1960 года я закончил учёбу и с дипломом техника-механика сельского хозяйства, и букетом перечисленных профессий, был направлен на работу в деревню Баган, Андреевского района, Новосибирской области механиком в Баганскую ремонтно-тракторную станцию (РТС). Работа механика заключалась в развозке по ремонтным бригадам необходимых деталей для ремонта автомобилей, тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Целыми днями я колесил на автомобиле ЗИС-5, с будкой, по деревням района, выполняя заявки ремонтников. Баганская РТС была

молодым предприятием, созданным целинниками — так называли тех, кто осваивал целинные и залежные земли в 1955–57 гг. на юге Новосибирской области. Жил в общежитии, в отдельной комнате, с казенной мебелью и всеми постельными принадлежностями, которые менял каждые десять дней и которые, как говорил завскладом, остались ещё от целинников. В чём я не сомневался — настолько затхлый и несвежий запах шёл от простыней и одеял.

Моими соседями, через стенку, были две учительницы, тоже молодые специалисты. Знакомство с ними было очень своеобразным. Как-то иду по селу и встречаю двух девушек, и вдруг одна из них останавливает меня и говорит: «Вы наш новый сосед, сделайте одолжение, пожалуйста, забейте в свою стенку ещё один гвоздь». Я с удивлением спросил: «А зачем?» Тогда Сталина, точнее Сталина Васильевна, так она представилась, ответила: «Вы вчера забили в свою стенку гвоздь, наверное, делая себе вешалку, гвоздь этот вышел с нашей стороны, и мы тоже сделали вешалку, но нужна ещё одна». Такой «толстой» оказалась дощатая стена, а может, такой попался большой гвоздь. Для закрепления нашего знакомства пришлось-таки сделать себе ещё одну вешалку, а со Сталиной потом у меня даже сложились некоторые романтические отношения.

Прошло полтора месяца, я уже перестал плутать в поисках нужной мне деревеньки, познакомился с бригадами, с ассортиментом нужных для ремонта деталей

и приспособлений, то есть немного освоился в должности. Как вдруг приглашает меня к себе директор РТС Фёдор Степанович и спрашивает: «Ты в техникуме изучал электротехнику?» Я отвечаю: «Был такой предмет». – «А какая была оценка?» Я говорю: «Кажется, четыре». – «Вот видишь, а Евлантьев электротехнику нигде не изучал, у него образование семь классов, а он успешно работал у нас инженером-электриком. В общем, так: его переводят в райком партии инструктором, а освободившуюся должность инженера-электрика я предлагаю занять тебе. Возражения не принимаются, ты парень грамотный, освоишься».

Вот так из механика я превратился в электрика, до этого даже не помышляя о какой-то связи своей трудовой биографии с электричеством. Теперь я отвечал за всё электрохозяйство РТС и электроснабжение деревни, так как фактически стал начальником небольшой дизельной электростанции, имеющейся в РТС. В подчинении у меня были электрик и четыре машиниста, обслуживающих дизели. Всё это свалилось на мою неграмотную голову, так что пришлось снова сесть за книги. К счастью, вскоре в Новосибирске открылись курсы повышения квалификации электриков, которые я через полтора месяца с отличием закончил и, вернувшись в РТС, уже со знанием дела начал выполнять свои обязанности.

Служба в Армии

Однако поработать мне пришлось недолго: 8 ноября 1960 года меня призвали в армию. Попал я служить в ракетные войска стратегического назначения, образованные за год до того. Первый год моя служба проходила в Забайкалье, на станции Даурия, в учебном ракетном центре СССР. Ракетные войска тогда были засекречены, я давал подписку о неразглашении государственной тайны, на десять лет, знаки воинских отличий были авиационные, а школа в Даурии называлась ШМАС – школа младших авиационных специалистов. Суровый климат – зимой пятидесятиградусные морозы, летом жара свыше 30-ти градусов, – воинская муштра, отвратительное питание, конечно, оставили в моей памяти не самые приятные воспоминания. Воинская муштра – это занятия по строевой подготовке на плацу при любой погоде, ежедневная после подъёма пробежка на три километра, даже при температуре до 40 градусов. Наряд на кухне солдатской столовой, где я умудрился обварить руки (ожог второй степени) при мытье тарелок, строгая воинская дисциплина – в общем, режим почти каторжный.

И всё же эта «учебка» для меня стала неплохой жизненной школой. Кроме специальных знаний по устройству ракеты 8К-64 (на испытании этой ракеты 24 октября 1960 года на космодроме Байконур при взрыве погибли маршал Митрофан Иванович Неделин – первый главком ракетных войск, и ещё 74 человека) и оборудования пусковых комплексов, мы получили специальность ремонтников, в том числе по программе авиационных механиков.

Сослуживцы по школе авиационных специалистов в Даурии. 1961 г.

Те технические знания, которые я получил во время учёбы, пригодились мне не только для дальнейшей военной службы, но и в гражданской жизни. В этой школе проходили переподготовку военнослужащие от солдат до старших офицеров.

Через год, по окончании учёбы по первому разряду (с отличием) и получив специальность механика по обслуживанию и ремонту стартового оборудования ракетных пусковых комплексов, я был направлен для продолжения службы в Латвию, в город Елгава, в ракетную часть стратегического назначения. Полк находился уже на боевом дежурстве. Но в нашей роте транспортировки

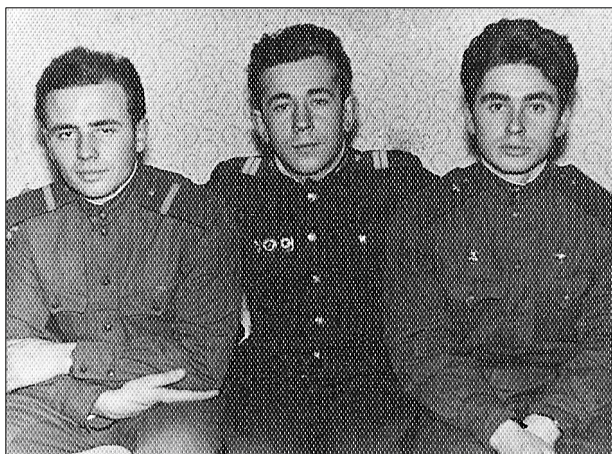
и заправки ракет, горючего и окислителя я оказался одним из немногих, так сказать, образованных специалистов-ракетчиков. Учитывая мою воинскую и гражданскую специальность, командир роты поставил меня на старшинскую должность – заместителя командира взвода по технической части. Я отвечал за техническое состояние около двадцати единиц различной автотехники.

Прошло уже более полувека после службы в армии, но в моей памяти об этом периоде моей жизни остались самые тёплые и трогательные воспоминания. В те годы в армии ещё не было «дедовщины», поэтому приняли меня в роту, хотя я и был «молодым», уважительно, все же я год учился в учебном ракетном центре Советского Союза. Командир роты, капитан Иван Андреевич Ярченко, был танкист, командир взвода, лейтенант Ивашина Иван Михайлович, – автомобилист, а я – ракетчик. Это был 1961 год, а ракетные части стратегического назначения появились только в 1959 году, поэтому офицеров-ракетчиков тогда было очень мало.

Вскоре у меня появились друзья: Костя Коросткин, Володя Смехов и Жора Бакулин. Будущее показало крепость и серьёзность нашей дружбы. В армейских казарменных условиях очень важно было иметь рядом надёжное плечо, на которое можно было опереться при различных солдатских коллизиях. И хотя после армии судьба нас разбросала по всей стране, мы не потеряли друг друга.

Я и Костя после армии остались жить в Елгаве, Костя – на сверхсрочной службе, я пошёл работать на завод. Володя уехал к себе в Кировскую область, а Жора – в Москву. Шли годы, но армейская дружба не забывалась.

Я помню, как мы – я и Костя – были искренне рады

Мои армейские друзья Костя и Володя. 1962 г.

встрече с Володей, когда он приехал к нам в Елгаву показать свою жену, – он только женился. А какая незабываемая была встреча с ним, когда волею судьбы через много лет я оказался в командировке в его городе Кировской области, на заводе, где он работал. Не терял я связи и с Жорой – он жил в Москве, работал в одном из НИИ. Мы часто с ним перезванивались, особенно перед моей поездкой в столицу.

Так сложилось, что после моего отъезда в 1966 году из Елгавы я потерял связь с Костей, и только в 2017 году через интернет я смог его найти и даже поговорить с ним по телефону. Разговор был очень волнующим, он рассказал о себе, я – о себе, ведь с нашего последнего разговора прошло полвека, целая жизнь. Я всегда считал Костю самым талантливым, самым способным среди нас. Когда мы расстались, он учился в 9-м классе вечерней школы.

На сверхсрочной он служил по электрической части. Зная его выдающиеся способности, я предполагал, что он стал, по меньшей мере, директором предприятия или, может, даже учёным, поэтому очень удивился, узнав, что он рабочий, и многие десятки лет работает специалистом по приборам и автоматике на льняном комбинате города Елгава. Вот такая судьба. К большому моему огорчению, я узнал, что в 2018 году, после длительной болезни, он ушёл из жизни...

В годы моей службы (1960–1963) наша страна пережила, можно сказать, два военных кризиса. Первый – в сентябре 1961 года, германский, когда была построена берлинская стена. В армии тогда была объявлена повышенная готовность, были запрещены все отпуска, и я стал одной из жертв этого приказа, так как мне не дали отпуск как отличнику, что было обещано перед началом учёбы, после окончания школы, в Даурии. Второй кризис, осенью 1962 года, получил название Карибский. Впервые мир был на грани ядерной войны, после обнаружения американцами на Кубе советской ракетной базы. Часть ракет среднего радиуса действия и военного персонала были на этой базе и с нашего полка. На Кубе я не был, но принимал участие в обеспечении наших ракет топливом (горючим и окислителем), их перевозке в портовый терминал города Плунге, в Литве, откуда на судах они доставлялись на Кубу. Повышенная готовность длилась две недели. Хорошо помню ту крайнюю напряжённость, которая была в эти дни не только в армии.

Однополчане. 1963 г.

Компоненты топлива для ракет были очень токсичны, особенно окислитель, азотная кислота. Полный вдох паров окислителя грозил отёком лёгких, поэтому работать приходилось в противогазах, соблюдая все меры предосторожности, а пусковое горючее было вообще синильная кислота, известное отравляющее вещество. Медицинские проверки до и после работы, проверка герметичности противогазов до работы, спецпитание, соблюдение инструкций по безопасности, хорошее знание техники — вот что было гарантом моего и моих подчинённых здоровья, да и жизни.

Конечно, не обошлось и без чрезвычайных происшествий. Одно из них было, когда мне пришлось руководить

работой по откачке отстоя ракетного топлива из железнодорожной цистерны. Это было зимой, и чтобы не рисковать солдатами, я сам спустился внутрь цистерны. Я был в противогазе, но без коробки, шланг был выведен наружу, вне цистерны. Один солдат меня держал на верёвке, на ногах у меня были валенки в галошах. Моя задача была высосать ручеек топлива со дна цистерны с помощью шланга от насоса. Но этот ручеек оказался выше уровня колош, и пока я его выкачал, хорошо промочил ноги. Кроме другого вреда, у ракетного топлива был очень стойкий запах керосина. И как следствие, неделю вся рота после отбоя, чтобы заглушить вонь в казарме, поливали мои ноги одеколоном и духами, у кого что было, а сами ноги болели ещё потом несколько лет.

Более тяжёлым исходом однажды могла кончиться утилизация окислителя. Группа солдат, под моим командованием, далеко за городом, в лесу, в заранее выкопанную яму сливали ведрами отстой окислителя (азотную кислоту) из специальной автоцистерны. Работали все в противогазах, предварительно подогнанных под каждого солдата. А у меня маска оказалось на размер больше. Меня спасло то, что почувствовав запах, я не сделал вдох, и быстро слив ведро в яму, успел убежать подальше от неё. Как оказалась у меня чужая маска я не знаю до сих пор...

Последний год службы я был практически на офицерском положении, имел право свободного перемещения, днём и ночью, по гарнизону. Службу закончил в звании старшины, это самое высокое солдатское воинское звание. Правда, меня чуть было не уговорили пойти на курсы,

во время службы, младших лейтенантов. Если бы я согласился, то демобилизовался бы в мае-месяце вместо ноября и смог бы, не потеряв год, поступать в институт. Сначала я дал согласие, но поразмыслив, решил, что в любой момент меня могут призвать в армию, и служить придётся 25 лет, поэтому от всех этих льгот отказался.

Такая свободная жизнь солдата срочной службы не могла не закончиться скороспелой женитьбой, причем за два месяца до демобилизации... Её звали Шура, и работала она портнихой в нашем полку. Командир роты Иван Андреевич Ярченко прописал меня в своей квартире. Это была его благодарность мне за хорошую службу. Он говорил, что пока я служил, он спокойно спал дома, так как знал, что хоть один трезвый и надёжный человек в казарме есть. Он также помог с выделением нам комнаты в офицерском общежитии.

Елгава (Латвия)

Вот так я остался жить в городе Елгава. Работать пошёл на завод «Елгавсельмаш» электриком автоматного участка. Техникум, курсы электриков, армейская служба

стали хорошей базой для быстрого освоения профессии цехового электрика. Через четыре месяца, к майским праздникам, моя фамилия уже красовалась на заводской доске почёта. Работа была несложная, я отвечал за электрооборудование станков, 30-ти прутковых токарных автоматов и эксплуатацию всей цеховой электрики. Главная продукция участка – десятки тысяч небольших осей (диаметр 10 мм и длина 8 см) с двумя проточенными шейками, которые шли дальше на сборку скребковых транспортёров, используемых в животноводческих фермах.

На станках работали в основном женщины. Главная их работа была выбирать из станочной стружки готовые оси и периодически выгребать из поддонов металлическую стружку. И хотя они это делали в перчатках, нежные их ручки всегда были поранены и исцарапаны. Откликнувшись на просьбу что-то сделать с этой бедой, я придумал два устройства, которые автоматически направляли готовые оси в один ящик, а стружку – в другой, что существенно улучшило условия труда. Это рационализаторское предложение сделало меня «национальным героем». Я был объявлен лучшим молодым рационализатором завода, а благодарные женщины всегда пропускали меня в столовой есть без очереди.

Днём – работа, а вечером – курсы подготовки для поступающих в ВУЗ. Закончил я эти курсы и сдал документы в Латвийскую сельскохозяйственную академию на факультет механизации сельского хозяйства. Всё ло-

гично — техник-механик хочет стать инженером-механиком. Но мой новый друг Гена Саватеев, с которым я познакомился на курсах и которого натаскивал по физике и математике, так не думал. Он готовился к поступлению в Рижский политехнический институт, по специальности электропривод и автоматизация промышленного производства, и тоже работал электриком, только на соседнем заводе. Он знал, что я гораздо лучше его подготовлен — так почему я должен идти в сельское хозяйство? В общем, он в буквальном смысле взял меня за руку, пошёл со мной в Академию и убедил забрать документы, потом повёз в Ригу, за десять дней до вступительных экзаменов, чтобы сдать документы в приёмную комиссию Политехнического института.

Вот так, успешно сдав экзамены, я стал студентом-заочником Рижского политехнического института, по специальности электропривод и автоматизация промышленного производства, и, благодаря другу, его настойчивости, нашёл своё призвание, как показало моё будущее. А Гена Саватеев поступил на дневной факультет, учился в группе, где из 25-ти студентов 20 из которых были евреями, и женился на своей однокурснице Рите. По окончании института они были распределены на работу на Билибинскую атомную электростанцию, на Чукотке.

В общем, жизнь в Елгаве у меня складывалась достаточно удачно: передовой рабочий, лучший молодой рационализатор завода, моя фотография по этому поводу даже красовалась в городском музее. Я проработал

около двух лет рабочим-электриком, затем меня перевели в отдел главного энергетика инженером-электриком. Я был студент-отличник, в академической справке, которую пришлось взять при переводе в другой институт, в связи с переездом, не было ни одной четвёрки. В Елгаве, на заводе «Елгавсельмаш», я был активным комсомольцем, отвечал за выпуск заводского «Комсомольского прожектора», стал кандидатом в члены КПСС, правда, под давлением секретаря парткома.

Но семейные обстоятельства – развод с женой, чья скороспелая любовь так же быстро испарилась, а полная несовместимость характеров и нетерпимость друг к другу просто исключали совместную жизнь – и письма матери о своей болезни определили моё решение о переезде в Биробиджан. (Мать к тому времени жила там). Так в марте 1966 года я оказался в Биробиджане.

Биробиджан, завод «Дальсельмаш»

Моё первое знакомство с этим городом состоялось в далёком 1948 году, когда я девятилетним ребёнком приехал на школьные каникулы к своей бабушке и сестрёнке, жившей у неё. Тогда, в основном, это был город двухэтажных деревянных домов с редкими вкраплениями кирпичных построек (школы, кинотеатр, здание обкома), с булыжными улицами в центре (улица Ленина), мост через Биру тогда был деревянным, а парк находился на острове, и вход на остров был по маленькому качающемуся мостику.

В этом городе тогда жил и брат моего отца дядя Шура с семьей: женой тетей Симой и тремя детьми – Расей, Анатолием и Михаилом. Дядя Шура работал директором ОБЛЗО*, тётя Сима – агрономом на контрольно-семенной станции.

Когда мы жили в Куйбышевке-Восточной, дядя Шура с семьей жил в селе Лохвицы этого района и работал директором Лохвицкой МТС. Он тогда часто встречался с моей мамой, и она ему рассказала о том, что пережила во время войны. Под впечатлением этих рассказов он написал о нас книгу. Рукопись этой книги я видел, когда был у бабушки, и даже читал отрывки. Но издать её он не успел, поскольку скоропостижно скончался в 1949 году. Установить же судьбу рукописи, несмотря на активные поиски, мне пока не удалось.

Мои родители, дядя Шура и тётя Сима учились в одном техникуме на Украине. Так получилось, что через много лет я случайно встретился с известными в области людьми, которые были их однокурсниками, и они рассказали мне много интересного. Со Львом Мазлиным, заслуженным агрономом республики и известным в Хабаровском крае председателем колхоза, я однажды жил в одном гостиничном номере. Он не скрывал своей радости, когда по моей фамилии узнал, что я племянник дяди Шуры. А мне было очень приятно услышать, что он был не только его однокурсником, но и другом, что дядя Шура всегда был душой коллектива, был очень талантливый, хорошо играл на пианино, был внештатным

* Областной земельный отдел (ред.)

корреспондентом газеты «Известия» и хорошим специалистом. Оказалось, что когда-то они вместе работали в Еврейской автономной области.

Интересная встреча была у меня и с Рахилью Фрейдкиной, тоже заслуженным агрономом республики, бывшим депутатом Верховного Совета СССР. Однажды, после одного из партийных собраний в Биробиджанском райисполкоме, где я был тогда председателем, подошла ко мне пожилая женщина и представившись, что она Фрейдкина, очень доверительно сказала: «Вы знаете, я училась с вашей мамой и отцом в одной группе техникума». Когда мы остались одни в кабинете, она стала рассказывать о моих родителях: об отце, каким он был в молодости, о его характере, как он выглядел, как учился, о матери и их дружбе. Всё, что она говорила, было для меня приятным открытием, а сама беседа — очень и очень волнующей. Ведь отца я совсем не помню, он погиб, когда мне было два года, мамы уже не было пятнадцать лет, она умерла в 1970 году.

Для меня Биробиджан не чужой город, ведь часть моего детства прошла в нем. Каждые летние каникулы мама сажала меня в поезд на станции Куйбышевка-Восточная и платила сто рублей проводнику, чтобы разбудил меня в Биробиджане. Я приезжал рано утром, приходил к своей любимой бабушке в дом на улице Ленина, 26. С детворой этого дома, с сестрой Октябриной, двоюродной сестрой Раей, с двоюродным братом Мишей, жившими в этом же доме, я проводил всё лето. Играл в футбол с пацанами на пустыре возле школы № 2, лазил че-

рез крышу и балкон в Дом пионеров на спектакли приезжих артистов, ходил с Мишей на рыбалку, потом мы спорили о том, кто поймал самую большую рыбу.

Бабушка Сарра работала заведующей детсадом, а дед Яков, её второй муж, – продавцом в ларьке на рынке. У неё было очень больное сердце, надорванное семейными трагедиями, – она пережила трёх сыновей. Всю свою любовь и ласку она отдавала нам, своим внукам, и мы это, конечно, чувствовали. Особенно она лелеяла Октябрину, которую воспитывала и делала всё, чтобы укрепить её здоровье, подорванное войной.

В этом городе, как оказалось, я прожил значительную часть своей жизни, двадцать восемь лет. И эти годы были для меня самые значимые. В Биробиджане я познакомился со своей будущей женой Тамарой, с которой мы дружно и счастливо идём по жизни уже более пятидесяти лет, там родились наши дети Света и Женя, внука Светочка.

Образец продукции нашего завода Успешно сложи-
лась и моя тру-
довая биография,
начатая в качест-
ве цехового элек-
трика на заводе со-
юзного значения
«Дальсельмаш» –
самом крупном
предприятии Еврейской автономной области. Главная

продукция завода – зерноуборочные и силосоуборочные комбайны на гусеничном ходу, предназначенные для работы на переувлажнённых почвах. На этом заводе я прошёл все ступеньки служебной лестницы. Несмотря на то, что у меня уже было среднее специальное образование и заочная учёба в институте, и что я уже дважды проработал на инженерных должностях, я решил начать всё заново, поэтому пошёл работать простым рабочим-электриком механического цеха. Этот цех был самым большим на заводе – более пятисот рабочих, около ста различных металлообрабатывающих станков, на которых изготавливались детали для сборки комбайнов. Задача же цехового электрика была обеспечить их работу, а в случае поломки – произвести оперативный ремонт. Мне повезло, я попал в прекрасный коллектив, которым руководил энергетик Ефим Штейн.

С сослуживцами из Отдела главного энергетика. 1978 г.

Станочное электрооборудование было очень разным, поэтому потребовался не один месяц, чтобы разобраться в нём, конечно, не без помощи своих коллег-электриков, бескорыстно делившихся со мной своими знаниями. Я с большой теплотой вспоминаю Германа Сотникова, моего первого наставника, умного, интеллигентного человека, Петра Богаченко, уже тогда пожилого, мудрого напарника (в силу его полноты и грузности ему было тяжело наклоняться, поэтому он обслуживал станочные электрошкафы, которые были наверху, а я – нижние шкафы), Василия Завьялова, Бориса Рушного, Ефима Фитермана, Иосифа Бравермана – очень добрых и душевных людей, всегда готовых прийти на помощь в техническом или бытовом плане.

Опыт работы на эксплуатации электрооборудования, личное общение с рабочими, инженерно-техническими работниками, – все это потом мне пригодилось, когда меня через восемь месяцев перевели работать в отдел главного энергетика инженером-электриком, и затем, когда я стал заместителем начальника энергоцеха, начальником бюро ОГЭ, главным энергетиком завода. Какое-то время я работу сочетал с учёбой в заочном Политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре, после окончания которого получил специальность инженера-электромеханика. Моя заочная учёба имела свои особенности. Первые два курса я учился в Рижском Политехническом институте, и учился там отлично. В Комсомольске тоже учился хорошо, но на сессиях практически все экзамены сдавал досрочно, так как всегда были

какие-то причины – то торопиться домой, то жена рожала, то квартиру должны были дать, а потом это просто стало правилом. Как только я появлялся в институте, мои друзья спрашивали, что я уже сдал?

После окончания моей заочной учёбы в институте, а я учился пять лет, студенткой-заочницей стала и моя жена. В 1973 году она поступила в Педагогический институт города Комсомольск-на-Амуре. У нас уже было двое детей, так что когда она была на сессии, папой и мамой становился я. По закону подлости, как только Тамара уезжала на сессию, они начинали болеть. А я в эти годы работал в техникуме и по итогам года иногда у меня было пропущенных дней по уходу за больным ребёнком больше всех женщин-преподавателей. Когда она училась на третьем курсе, её пригласили работать в наше Биробиджанское педучилище преподавателем. До этого она пятнадцать лет проработала в детских садах, сначала – воспитателем, потом – методистом.

У моей Тамары очень интересная судьба: она коренная дальневосточница, из многодетной семьи, где было восемь детей, мама её была землячкой Василия Шукшина – из Алтая, из села Сростки, отец – родом из есенинских мест. После окончания десяти классов в поселке Тырма, Хабаровского края, она с подругой решила поехать в Биробиджан работать на фабрике, но директор школы предложила им продолжить учёбу в спе-

циальном педагогическом классе, где готовили учителей начальных классов, и они приняли это предложение. После окончания учёбы Тамару направили работать учителем в малокомплектную школу на железнодорожный разъезд.

Вот так в восемнадцать лет она стала учительницей в классе, где одновременно учились дети рабочих-путейцев из 3-го, 2-го и 4-го классов, – всего десять учеников.

Моя жена Тамара. 1960-е гг.

Сама школа – барак с печным отоплением и освещением от керосиновой лампы. Одна половина помещения – учебный класс, – вторая жилая комната для учительницы. Персонал школы – два человека: директор, завуч и учитель в одном лице – это восемнадцатилетняя Тамара, и уборщица, истопница и советник по всем хозяй-

ственным вопросам – Мария Филипповна. В такой глухомани она отработала два года. Потом будет Биробиджан, работа воспитательницей в детских садах, заочная учёба в педучилище, замужество, дети, опять учёба – теперь уже в институте, и работа в педучилище, почти

восемнадцать лет до отъезда в Израиль. Сегодня её ученики и воспитанники живут в немалом количестве в этой стране, и встречи с ними для неё – праздник, она их всех помнит, как родных детей.

С 1966 по 1972 гг., во время работы на разных должностях в энергослужбе завода, моим наставником и руководителем был главный энергетик Андрей Иванович Болашвили – человек, которому я был обязан своими передвижениями по служебной лестнице. Грамотный и требовательный к себе и подчиненным, он для меня был образцом руководителя. Его профессионализм и высокая ответственность были гарантом бесперебойного обеспечения завода всеми видами энергии. В те годы завод динамично развивался, вводились новые производственные площади, увеличивалось энергопотребление.

Моя деятельность на инженерных должностях заключалась в организации и контроле работы электромонтажников при подключении новых станков, новых цеховых трансформаторных подстанций, высоковольтных распределительных устройств. В то время заканчивались монтажные и пусконаладочные работы на головной подстанции, сроки поджимали, а как выяснилось, для завершения всех работ не хватало некоторого нужного электрооборудования. Вот тогда я поехал в первую командировку в качестве «толкача». В течение месяца посетил шесть заводов в разных городах страны, где я прошёл первое испытание на изобретательность и гибкость всех

частей тела, начиная с головы. Самое интересное, что через пятьдесят лет, в Израиле, я встретился с виновником моей этой командировки – бывшим бригадиром электро-монтажников. Он честно признался, что бо́льшая часть того электрооборудования была им утеряна или разбита. При этом он с гордостью заявил, что это ему я обязан познанием географии страны...

Отвечал я и за качество эксплуатации всего заводского низковольтного и высоковольтного электрооборудования, электрических сетей, за работу участка электротранспорта и электросвязь. Много времени уделял повышению надежности в работе электрооборудования – именно этой цели были посвящены мои рационализаторские предложения.

Тогда, в 1970–1973 гг., в техническую моду начали входить тиристоры – силовые управляемые полупроводники. Большую эффективность в этом плане показали предложенные мною бесконтактные тиристорные контакторы, вместо обычных, установленных на всех электропечах термического участка. Парадоксально, но все новые электропечи много лет приходили с заводов-изготовителей со старыми контакторами, но мы их всегда тут же переделывали на тиристорные. Оказалось, что было такое научное мнение: так как тиристоры быстро сгорают при токах короткого замыкания, то требуется быстросрабатывающая электронная защита, что сильно удорожает их практическое применение. Но, как показала практика, в электрических печах коротких замыканий

практически не бывает (если только не делать их специально), и для их защиты от перегрузки достаточно обычных плавких предохранителей.

По моему предложению были также установлены мощные тиристорные выпрямители, вместо генераторов постоянного тока, в цепи возбуждения синхронных электродвигателей воздушных компрессоров. Это предложение даже стало темой моего дипломного проекта в институте.

Сразу после окончания в 1971 году института меня пригласили преподавать электротехнические предметы в заводской механический техникум для студентов-вечерников отделения «Электрооборудование промышленных предприятий». Я принял это предложение, решив, что преподавание укрепит мои поверхностные институтские знания, глубина и качество которых определялось заочным образованием. Так я проработал год: днём – на заводе, вечером – в техникуме. В это время техникум перешёл в новое здание, увеличилось количество студентов, появился и большой дефицит преподавателей. После очень долгих уговоров Михаил Ефимович Закс – директор техникума – пообещав дать мне двухкомнатную квартиру в уже построенном доме, – а у нас тогда была однокомнатная и четыре человека семья, – склонил меня к решению полностью перейти работать в штат техникума.

Итак, я ушёл с завода по собственному желанию, а работа штатным преподавателем стала для меня новым, интересным и, как показало будущее, весьма полезным этапом в биографии. Преподавание одновременно на

дневном и вечернем отделении семи электротехнических дисциплин, оборудование трёх новых предметных кабинетов, нагрузка в отдельные месяцы до пятидесяти часов в неделю при норме восемнадцать все это не только побило все рекорды техникума, но и позволило мне значительно укрепить и расширить свои профессиональные теоретические знания и практические навыки. Да, конечно, главным занятием стала преподавательская деятельность — читать лекции, проводить лабораторные работы, принимать зачёты и экзамены. На этом поприще я познакомился с очень многими способными молодыми людьми и, как показало будущее, это знакомство имело продолжение.

Так, однажды, когда я отработал уже два года и выпустил несколько групп техников-электриков, во время моего летнего отдыха с семьей на нашем областном курорте Кульдур, ко мне приехал посыльный от директора завода «Дальсельмаш» и увёз меня в Биробиджан к нему на переговоры. А там меня ожидал большой сюрприз — предложение перейти работать на завод главным энергетиком. Да, я знал энергохозяйство завода по предшествовавшей два года назад работе, когда был заместителем главного энергетика, и хорошо понимал, что предложенная мне должность главного специалиста возлагает на меня большую ответственность за бесперебойную работу всего завода. Но молодость, а мне было тридцать пять лет, и самоуверенность взяли верх, и я дал согласие.

Главный энергетик отвечал за надёжное обеспечение завода и его ЖКХ электрической и тепловой энергией, за водоснабжение и канализацию, за работу электротранспорта и телефонную связь, за работу вентиляционных систем, за обеспечение сжатым воздухом (компрессорная потребляла тридцать процентов электроэнергии), электрооборудование станочного парка т.п.

Такой широкий диапазон ответственности предполагал наличие опыта работы и знаний не только в области электротехники, но и в теплотехнике, вентиляции, водоснабжении, канализации и т.п. Заводская энергослужба тех лет – это более двухсот человек, работающих в отделе главного энергетика, энергоцехе и цеховых электрослужбах. Десять процентов из них были инженерно-техническими работниками.

И тут я хочу отметить, что мне пригодился мой опыт работы в техникуме, так как удалось укомплектовать большую часть этих работников из бывших, наиболее способных, студентов, которых я пригласил работать на завод. Моим заместителем стал выпускник техникума Николай Жирных, начальником энергоцеха – мой студент Николай Луценко, энергетиком механического цеха – Николай Зеленов, из моих выпускников был мастер участка подстанций Влад Давидович и другие. Как показала практика, все они оказались очень добросовестными и ответственными руководителями, многие из них впоследствии успешно сочетали работу с учёбой в ВУЗах. Только опираясь на профессионализм

разного профиля своих ближайших помощников, памятуя, что руководитель должен уметь распределять ответственность, можно было относительно успешно решать все поставленные перед энергетиками задачи.

И примеров тому немало. Вот один из них. 1974 год, декабрь, мороз до 35-40 градусов, ломается труба на магистральной теплотрассе, отключается подача горячей воды в системы отопления завода и его жилого посёлка. Только высокий профессионализм и оперативность сантехников и сварщиков паросилового участка и его старшего мастера Ильи Козлова позволил за 24 часа ликвидировать аварию, не разморозив ни одного жилого дома и ни одного цеха. А впоследствии – в течение шести лет заменить все гнилые трубы и всю строительную часть магистральной теплотрассы от ТЭЦ до завода протяженностью 1,5 км.

К заслугам энергетиков можно отнести и увеличение надёжности электроснабжения заводских цехов. Имеется в виду завершение всех работ по закольцеванию электрических сетей, в результате чего каждое производственное помещение получило два независимых электропитания.

Свой вклад внесли энергетики и в улучшение ряда энергоёмких технологических операций в изготовлении деталей гусеничной тележки. Так, большой проблемой была закалка щеки – так называется деталь гусеничной ленты. Нагрев её в электролите (в специальных ванночках, подключенных к источнику постоянного тока) на громоздких установках не давал нужной твёрдости, все

попытки совершенствования этой технологии приводили только к усложнению установки и уменьшению её надёжности. Этот способ нагрева на специальных устройствах был запатентован Барнаульским проектным институтом, и в числе соавторов изобретения были главный инженер, главный технолог и даже директор нашего завода. Предложенная мной принципиально новая технология нагрева (индукционная) и изготовленная творческой группой автоматическая линия позволили снять все проблемы в производстве этой детали, и к чести заводских соавторов (они согласились с большей практичностью нового способа), эта технология была рекомендована ими для внедрения. А вся созданная мною творческая группа, куда входили, кроме меня, ещё Николай Жирных – зам. главного энергетика, Анатолий Белогоуров – главный технолог, Виктор Селин – мастер компрессорного участка, Василий Пономарев – лучший слесарь завода, получила солидное денежное вознаграждение и была отмечена пятой премией на всесоюзном конкурсе по экономии энергетических ресурсов.

На партийно-советской работе (1980 – 1990 гг.)

Я всегда считал себя чистым технарём, голова была забита техническими проблемами: как увеличить надёжность схем электроснабжения, теплоснабжения, как обеспечить безаварийную работу водопроводных и ка-

нализационных сетей завода, заводского жилого посёлка, вентиляционных систем, улучшить работу электротранспорта и электросвязи, уменьшить поломки станочного электрооборудования, как наладить оперативную и слаженную работу всей заводской энергослужбы, соблюдая все правила эксплуатации и безопасности в работе на электроустановках... Времени для отвлечённого философствования, активного участия в общественной жизни просто не было.

Поэтому большой неожиданностью стало избрание моей персоны в 1980 году секретарём парткома завода. Новая должность, новые обязанности, заставили активно искать своё место в заводской жизни. Плыть по течению, ни во что не вмешиваясь, не в моём характере. Вскоре я понял, что в поле моего зрения должны быть не детали, производимые на заводском конвейере, – для контроля за ними на заводе достаточно служб, а те, кто их производит, – люди. Что мешает им трудиться с большей отдачей? Какие у них бытовые условия в цеху или дома, например, в общежитии, условия для отдыха, для занятия спортом, и прочее.

Спустя какое-то время в этом направлении родился и конкретный план дел, активно поддержанный директором завода Иваном Степановичем Кубаревым и его замом по экономике Михаилом Ефимовичем Гомоном. Итогом реализации этого плана стали отремонтированные цеховые бытовки, обновлённая заводская столовая, зоны отдыха в цехах и на территории завода, новая турбаза и реконструированный заводской стадион, и т.д.

Через два года меня избрали депутатом горсовета, а в июне 1983 года выдвинули на должность второго секретаря Биробиджанского горкома партии. Опять новая должность, совершенно неожиданная для меня, новые обязанности, теперь я был ответственным за городскую промышленность, строительство, энергетику, транспорт, связь, городское хозяйство.

Первым секретарём тогда был Борис Леонидович Корсунский – молодой, энергичный человек, блестящий организатор с мощной деловой хваткой. Не размениваясь на мелочах, он успешно решал все стоящие перед городом задачи. Меня всегда поражала его феноменальная память, умение видеть главное в массе проблем. Он был образцом руководителя и человека. Отношения с ним сложились очень доверительные и уважительные, и я старался не подводить его ни в чём.

Главной моей заботой в те годы было строительство. Тогда было принято участие партийных и советских руководителей в работе специальных штабов на строительстве особо важных объектов. Именно в качестве руководителя или члена таких штабов мне довелось участвовать в строительстве ЛЭП 500 кв, соединяющей Зейскую ГЭС с системой Хабэнэнерго 9-го и 10-го котла, золоотвала и углеподачи на Биробиджанской ТЭЦ, производственных помещений на заводах «Дальсельмаш», завода силовых трансформаторов, строительстве многих жилых домов и других объектов Биробиджана.

1983-й и 1984-й – это годы активной подготовки к золотому юбилею области. В этот период особенно проявился организаторский талант Бориса Леонидовича, сумевшего мобилизовать все городские строительные ресурсы для выполнения поставленных задач. В рекордные сроки (за 22 месяца) была построена областная филармония, произведена полная реконструкция городского стадиона, кинотеатра «Родина», центральной гостиницы, капитально отремонтированы многие административные здания и жилые дома, асфальтированы дороги и тротуары.

С гостями из Москвы. 1984 г.

Финалом всех подготовительных мероприятий было грандиозное театрализованное представление на городском стадионе, торжественное собрание в новом здании филармонии, принятом в эксплуатацию за день до этого, и премьера показа спектакля Биробиджанского Камерного театра «Золотая свадьба» режиссера Юрия Шерлинга. Дни праздника остались в моей памяти как радостные моменты жизни, и в то же время не менее ответственные (я отвечал в эти дни за приём гостей – руководителей всех городов Хабаровского края, первых секретарей и председателей исполкомов). Я очень «горжусь» собой, что сумел не отвечать им взаимностью во время трапезных возлияний, сохраняя свое здоровье. Я вспоминаю, что особенно радостные чувства испытал, когда наконец рассадил именитых гостей, после выпитого ими «на посошок» ящика коньяка на капоте «Волги», в самолёты, улетающие, один – в Хабаровск, а другой – в Комсомольск-на-Амуре.

Тогда я познакомился и с известными в стране деятелями культуры: Людмилой Сенчиной, Владимиром Винокуром и самым почётным гостем юбилея области Давидом Драгунским – дважды Героем Советского Союза.

В те годы в горкоме работали прекрасные, ответственные, знающие своё дело люди: Галина Ивановна Куликова – секретарь по идеологии, Вольф Аронович Кац – заведующий промышленным отделом, Лилия Бо-

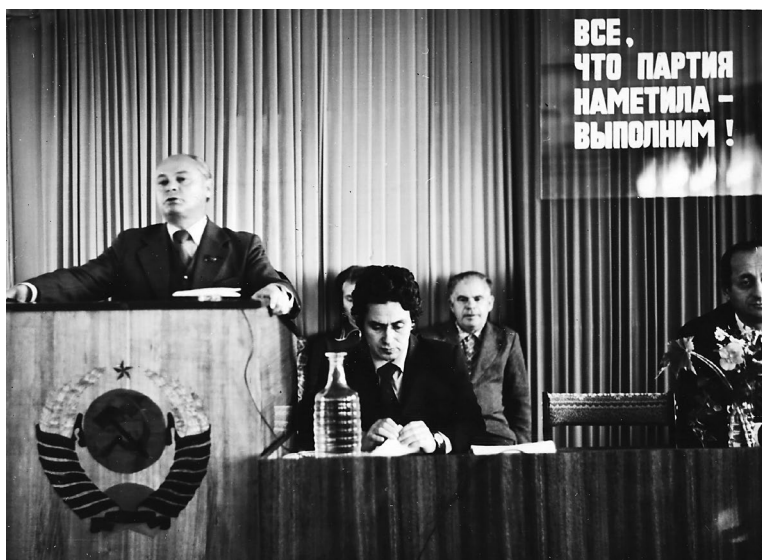
рисовна Семенюк – заведующая организационным отделом, Владимир Давидович Ротенштейн – заведующий отделом пропаганды, Галина Георгиевна Горобец – заведующая общим отделом. Я с большой теплотой вспоминаю нашу совместную дружную работу. Но судьбе было угодно, чтобы я в этом прекрасном коллективе поработать только два года...

Б.Л. Корсунский и я среди передовиков производства. 1980-е гг.

Однажды Борис Леонидович у меня спросил – как я отнесусь к тому, если мне предложат работать председателем Биробиджанского райисполкома. Я ответил, что, конечно, отрицательно. Тогда он сказал, что если я не захочу, то меня никто не заставит.

В результате, это кончилось тем, что я две недели ходил на работу через кабинет Льва Борисовича Шапиро, первого секретаря обкома, где он меня уговаривал согласиться с предложением, мотивируя это его заботой о выращивании кадров руководителей еврейской национальности для областного уровня, а для этого надо поработать в районе, тем более у меня есть сельскохозяйственное образование.

Л.Б. Шапиро вручает награду заводу Дальсельмаш.

Лев Борисович, выдержанный и интеллигентный человек, пока убеждал меня, попутно рассказал свою биографию, которая была чем-то похожа на мою. Он тоже начал работать простым сталеваром на заводе «Амурсталь», потом был главным металлургом, секретарём парткома, а сейчас вот первый секретарь обкома.

Я сопротивлялся до тех пор, пока Корсунский не сказал – «Всё, пора соглашаться, иначе мне придётся самому туда идти!» (Лев Борисович заподозрил его отрицательное влияние на меня...)

Итак, пройдя третье собеседование за последние пять лет у Алексея Клементьевича Чёрного – первого секретаря крайкома, в сентябре 1985 года с его напутствием я приступил к работе председателя Биробиджанского райисполкома.

Опять новая должность, новые обязанности, новый коллектив. Первым секретарём райкома тогда был Александр Афанасьевич Скачков – я его и раньше знал по работе как человека умного, грамотного и очень авторитетного в городе. В первой беседе мы твёрдо договорились, что я буду заниматься только социальными вопросами. Моё дело: дороги, строительство, торговля, школы, ЖКХ, здравпункты и сельские больнички. Привесы, надои, урожайность и другие сельскохозяйственные вопросы не будут в поле моей деятельности. К чести Александра Афанасьевича, эта договорённость постоянно соблюдалась.

Мои рабочие будни были тогда такими: в первой половине дня я работал в кабинете, а во второй – с районными начальниками в деревне. Мы приезжали в населённый пункт, а их было в районе двадцать, и вместе с руководителями совхоза или колхоза, председателями сельских советов делали обход всех социальных объектов: магазина, школы, клуба, медпункта, столовой и т.д. Потом сидели в чьём-нибудь кабинете и решали, что и

кто будет делать по выявленным проблемам, намечали сроки. Через какое-то время возвращались в эту деревню для контроля сделанного.

Работая по такой системе, я вникал в сельскую жизнь, стараясь оперативно решать проблемы. Конечно, главной опорой и главными финансистами в этих делах были директора сельских предприятий, совхозов и колхозов, а я как мог убеждал их в необходимости сделать то или другое. Постоянно думая о повышении эффективности своей работы, деятельности районных руководителей и депутатского корпуса, я ломал привычные формы проведения тех или иных мероприятий.

А.А. Скачков награждает победителя соцсоревнования. 1980-е гг.

Вот пример одной из сессий районного совета, обсуждавших работу депутатов. Уходя от привычного шаблона, эту сессию мы начали не с доклада председателя, а с киноролика, снятого по специальному сценарию и посвященного наиболее острым проблемам района (работе столовых, сельских клубов, бани, сельских больниц и т.п.). Перед началом сессии все пришедшие смогли «полюбоваться» массой карикатур по разным социальным болячкам. В общем, хорошо «пощекотали» самолюбие многих руководителей, депутатов, и желающих выступить была половина зала. Конечно, главным объектом критики был я.

Не побоюсь громких слов, но после такой сессии в облике многих сёл произошли заметные изменения: в Казанке капитально отремонтировали клуб, в Дубовом появилась прекрасная столовая – всё это стараниями директора Надеждинского совхоза Петра Петровича Кочмаря, в Найфеде появилась новая больничка – это заслуга Петра Михайловича Клименкова, директора Петровского совхоза, в селе Красивое был построен новый стадион. Были и другие примеры.

Улучшили работу многие сельские магазины Биробиджанского райпотребсоюза. В сентябре 1986 года на территории села Валдгейм, по моей инициативе и, естественно, при огромной поддержке председателя колхоза Наума Абрамовича Тираспольского, была проведена первая в истории не только района, но и области, торговая ярмарка, в которой приняли участие многие торговые организации района и города Биробиджана. И как

результат – наш райпотребсоюз (руководитель – Тамара Аристархова) за день выполнила месячный план товарооборота. Потом такие ярмарки стали традиционными в Биробиджане и в других районах области.

Очень активно в те годы в районе шло строительство. Буквально в каждом селе строились новые дома и даже улицы, предназначенные для приёма переселенцев.

Ход этих строительных работ находился на персональном контроле Алексея Климентьевича Чёрного, который с большой свитой каждые три месяца навещался в район. Результат таких поездок затем обсуждался на совещаниях в райисполкоме, со строгими выводами для провинившихся. Справедливой критике подвергалась нередко и моя персона.

В 1985–1987 годах, во время перестройки, в стране начались демократические преобразования. Михаил Сергеевич Горбачёв колесил по стране, встречался с народом. В июне 1986 года он посетил Хабаровск и выступил перед краевым партийно-хозяйственным активом. Я с Александром Афанасьевичем Скачковым был на этой встрече, мы сидели в первом ряду и внимательно слушали, какие задачи по реформированию общества он ставил перед дальневосточниками.

Демократические преобразования тогда наметили начать с избирательной системы, и в этом плане в каждой области выбрали по одному району, в которых ре-

шили провести экспериментальные внеочередные выборы в районный Совет народных депутатов, по одномандатным округам. Среди таких районов в ЕАО оказался Биробиджанский. Выборы были намечены на март 1987 года.

Так я стал одним из шести кандидатов в депутаты в округе, на территории которого располагались пять деревень (Опытное Поле, Бирофельд, Алексеевка, Димитрово и Красивое). Это демократично – шесть человек на один мандат. Всю предвыборную кампанию я практически не выезжал из этих деревень, был почти в каждой избе, особенно там, где были какие-либо проблемы, и что самое главное, старался их решить, не обещать, а сразу решить, максимально используя свой, как сейчас говорят, административный ресурс.

Не могу забыть один поучительный для меня случай во время этой предвыборной кампании. В Бирофельде проходила встреча с избирателями. После моего выступления подошла ко мне пожилая на вид женщина с какой-то просьбой, с какой, я забыл, но помню хорошо, как я ей ответил: «Ничего, бабушка, эту проблему мы решим». А в ответ слышу: «Сколько тебе лет, внучек?» Я отвечаю: «Сорок семь». Тогда она говорит: «А мне, внучек, тридцать девять». Конечно, такой ответ привёл меня в немалое смущение, но выглядела она на все 50-60 лет.

Она была дояркой, а труд их был каторжный. В пять часов утра надо идти на утреннюю дойку, потом – домой, кормить пьяницу-мужа и детей отправлять в

школу, в обед снова идти на ферму на обеденную дойку, потом – домой, а вечером опять на ферму. Ежедневно не высыпаться, тяжёлый физический труд, хождение по несколько километров в день превращали молодых женщин в старух. К сожалению, вот такие были тогда трудовые будни в деревне, а вывод я сделал такой: нельзя называть бабушкой даже самую пожилую женщину.

Что же касается выборов, то эксперимент по их демократизации в нашем районе прошёл удачно. Утром я проснулся председателем райисполкома, в отличие от сорока процентов по стране своих коллег, которые не были избраны. Прошло два года, я уже привык к своей должности, к своим обязанностям, меня узнали в районе. И тут звонок: Борис Леонидович Корсунский, тогда уже второй секретарь обкома, предлагает встретиться. Повод такой – Лев Борисович Шапиро подаёт в отставку в связи с выходом на пенсию, вопрос этот согласован с Горбачёвым, а Корсунскому предлагают стать первым секретарём, главой области, и подбирать команду. Он решил, что хочет работать со старой командой, т.е. с теми, кто трудился с ним в горкоме, поэтому предлагает мне должность второго секретаря обкома, а Галине Ивановне Куликовой быть третьим секретарём.

После разговора с Борисом Леонидовичем прошло несколько месяцев. Меня никто никуда не приглашает и никаких разговоров о новой работе не ведёт. Я уже подумал, что всё отменяется, но как мне потом стало известно, мою персону в это время тщательно проверяли. Из ЦК в район, втайне от меня, приехал инструктор. Он

три дня вместе с Александром Афанасьевичем Скачковым ездил по сёлам, встречался с народом, руководителями совхозов, и изучал общественное мнение обо мне, а оно, как я думаю, оказалось положительным. И только после этого я был приглашён вместе с Галиной Ивановой Куликовой в Москву.

Опять крутой поворот в биографии. Я прошёл через район и вырос до руководителя областного уровня, как и обещал Лев Борисович, правда, на моём физическом росте это, к сожалению, не отразилось. Итак, после очередного собеседования, теперь уже у заместителя заведующего организационного отдела ЦК Григория Петровича Харченко и утверждения на пленуме обкома, в июле 1987 года я приступил к своим обязанностям.

Время тогда было горячее, разгар перестройки, поиск путей реформирования экономики, первые демократические выборы в Верховный Совет СССР, волнения по стране на национальной почве, и вся эта нестабильность отражалась на работе региональных властей. На новой должности я отвечал за хозяйственные вопросы: промышленность, строительство, энергетику, дороги, связь и т.д. И как на прежних должностях, главная забота была строительство, теперь, правда, уже в населённых пунктах всей области. И начать эту деятельность пришлось с выполнения просьбы Бориса Леонидовича – подобрать «хвосты», имелось в виду закончить затянувшееся строительство многих социальных объектов, на которые уже не было финансирования. Задача

эта оказалась непростой, пришлось испортить отношения со многими руководителями строительных трестов – им, естественно, не хотелось заниматься неплановыми объектами. Но партийные рычаги оказались эффективными, и жители посёлка Николаевка наконец стали пить чистую воду после ввода в строй четырнадцатилетнего долгостроя – химводоочистки, а в Смидовичах ввели в строй действующих новый клуб. Такой же объект культуры принял первых посетителей в Кульдуре, открылась новая средняя школа в посёлке Лондоко, удлинители наконец и железнодорожную платформу на станции Кульдур, чтобы приезжие на курорт не ломали ноги, прыгая на насыпь, и т.п.

В 1988 году по инициативе Б.Л. Корсунского и М.М. Кауфмана, при поддержке правительства страны, было принято Постановление правительства СССР о развитии Еврейской автономной области на период до

В Москве с В. Гуревичем и Л. Школьником. 1988 г.

2000 года, а я был назначен ответственным за согласование всех пунктов этого документа, на стадии его подготовки, с министерствами и ведомствами страны.

С этого момента начались мои регулярные поездки, вместе с начальником планового отдела облисполкома Валерием Соломоновичем Гуревичем, в Москву, в министерство энергетики СССР, для получения разрешения и финансирования строительства пиковой котельной; в министерство строительства РСФСР – для согласования строительства завода-комбината панельного домостроения (КПД) на сто тысяч квадратных метров жилья в год; в министерство образования – для разрешения на открытие в Биробиджане первого ВУЗа – пединститута. Вместе с Павлом Александровичем Минакером, директором первого Института комплексного анализа региональных проблем, мы встречались с представителями руководства Академии наук СССР для оформления разрешения на открытие этого института.

Главным куратором в доведении Постановления до рабочего документа был Госплан РСФСР, а его сотрудники были помощниками и организаторами наших встреч с руководителями министерств. После того, как прошли все необходимые согласования и Постановление о развитии области на период до 2000 года было утверждено заместителем Председателя Правительства РСФСР, начался этап его реализации. В результате, в области появились: первый ВУЗ – пединститут, первый НИИ – Институт комплексного анализа региональных проблем, было завершено строительство КПД-100, двух

пристройке к железнодорожному вокзалу, пиковой котельной на 80 тонн пара, родильного дома и других социально значимых объектов.

Строительный бум шёл и в селах области, для приёма переселенцев активно строились дома и даже целые улицы, причём участие в этом строительстве принимали не только строительные организации, но практически все крупные промышленные предприятия города и области, обком партии, конечно, был главным «рулевым» в этом процессе.

Дела перестроечные и национальные ...

А в стране в это время полным ходом шли демократические преобразования, и начались они со СМИ, в массовом обиходе появились слова: плюрализм, гласность, консенсус, все прильнули к телевизорам. Программа «Взгляд» стала главным источником новостей. А новости шли угрожающие: погромы в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Тбилиси, Баку. Начали поднимать голову антисемиты общества «Память». Откровенно антисемитские статьи, обвинения евреев во всех бедах русского народа появились в литературных журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник», в газете «Литературная Россия» и т.п. Меня очень шокировало то, что вся эта галиматья печаталась в партийных изданиях.

В сентябре 1989 года состоялся Пленум ЦК по национальным вопросам, на котором выступил Борис Леонидович Корсунский, где он впервые открыто сказал о разгуле антисемитизма в СССР, назвав это явление государственным антисемитизмом. Что началось!!! Редак-

торы названных журналов Куняев, Иванов и другие обратились телеграммой к Горбачёву с жалобой, что Корсунский – первый секретарь обкома Еврейской автономной области – разжигает национализм. Но этим всё не кончилось: в журнале «Молодая гвардия» № 2 за 1990 год появилась разгромная статья под заголовком «Кто вы, Б.Л. Корсунский?», где он был назван чуть ли не главным русофобом страны, а я был удостоен чести поменьше: назван главным борцом с антисемитами в нашей области. Такая «честь» меня сильно задела, и я в ответ на стряпню «Молодой гвардии» написал большую статью «И все-таки верю – разум победит!», где на многих примерах показал истинное лицо указанных журналов. И так как попытки мои опубликовать её в центральных газетах не увенчались успехом, она появилась в «Биробиджанской звезде» *. Затем эта статья была переведена на идиш и напечатана в газете «Биробиджанер штерн», откуда, в свою очередь, была переведена на английский язык и опубликована в одном из английских журналов.

О разгуле антисемитизма в стране обком направил в ЦК специальное письмо, этот же вопрос обсуждался и на одном из пленумов обкома, очень удивившим меня отсутствием единогласия в этом вопросе. Первые секретари Облучинского и Ленинского райкомов Лобкис и Галушко выступили с критикой обкомовского письма и меня лично за такую инициативу. Корсунского на пленуме не было по болезни. Меня поразило, что впервые после этого пленума люди расходились двумя группами, разделёнными по национальному признаку.

* См. текст этой статьи в Приложении, на с. 120–125.

Во время командировок в Москву Леонид Школьник – тогда депутат Верховного Совета СССР – познакомил меня со многими представителями еврейской общественности страны: Михаилом Членовым, руководителем Конфедерации еврейских общин (ВААД), его активистами – Владимиром Мушинским, Евгением Сатановским, Александром Островским, а также с редактором «Еврейской газеты» Танкредом Галенпольским.

Последующее общение с ними во время поездок в Москву открыло мне глаза на еврейскую жизнь в стране, о которой я даже не подозревал. Я познакомился с мужественными, умными людьми, работающими в еврейских организациях в далеко непростых условиях, и для меня стало большой честью участвовать в работе, в качестве одного из делегатов от области, в первом съезде ВААДа, в декабре 1989 года. Общаясь с ними, я понял, насколько был далёк от еврейских национальных традиций, как мало знал об Израиле.

Я хорошо помню тот восторг, те чувства, которые испытал от присутствия впервые на праздновании Хануки, в качестве делегата второго съезда ВААДа, в ресторане «Арбат», в январе 1991 года. Помню ещё, может быть, и потому, что рядом со мной всё время находился гость из Израиля, профессор Иерусалимского университета Зеев Кац, прекрасный интеллигентный собеседник, очень тонко вводивший меня в еврейские традиции и израильскую жизнь.

Так я проработал вторым секретарём обкома три перестроечных года. Это было время крутых перемен, больших надежд на светлое будущее и страха перед ним от неуверенности, растерянности, особенно в выборе пути дальнейшего развития экономики. Эти нотки звучали и в выступлениях членов Политбюро Зайкова, Слюнькова, даже академика экономиста Аганбегяна, лекции которого мне довелось слушать, будучи на месячных курсах в Академии общественных наук. Какой должен быть рынок – свободный или управляемый? Вот был тогда главный вопрос. Не было только сомнений в демократическом развитии страны.

На съезде ВААДа в 1991 г. Слева от меня – Петр Темцин

На заводах и фабриках стали на собраниях выбирать руководителей, и в результате выбирали директорами демагогов и болтунов. Непрофессионализм руководящих кадров становился главным бичом страны. К чести Бориса Леонидовича Корсунского, он всячески сопротивлялся этой отрицательной тенденции и внимательно следил за работой предприятий и организаций, ценил кадры специалистов, нередко защищал их от необъективных притязаний министерских чиновников. Он считал своей главной заботой работу с людьми и умел стимулировать их на выполнение стоящих задач. Не случайно, когда он был руководителем области, во главе многих предприятий стояли блестящие организаторы и высококлассные специалисты.

Большим уважением в своих коллективах пользовались тогда Валентин Казаков – директор завода силовых трансформаторов, Зиновий Дудкин – директор чулочнотрикотажной фабрики, Тамара Юдицкая – директор трикотажной фабрики, Вера Самбурская – директор фабрики валянной обуви, Яков Шнайдерман – директор обувной фабрики, Михаил Аксельрод – управляющий трестом «Биробиджанстрой», Яков Винокуров – управляющий трестом «Биробиджанводстрой», Давид Фуксман – начальник УНР* Р-254, Геннадий Шарифкер – начальник УМР**. И список этот можно продолжить.

* Управление нулевых работ.

** Управление механизированных работ.

Отдельно хочу остановиться личности Эдуарда Григорьевича Липовецкого, директора завода «Дальсельмаш». Годы работы на этом заводе для меня были и прекрасной подспудной школой управления, получения навыков руководителя. В этом плане для меня настоящим учителем был Э.Г. Липовецкий.

Это был крупный, большой человек, всегда с мягкой улыбкой и неизменной сигаретой на губах, очень простой, доступный в общении, и без начальственного снобизма. Все производственные, социальные проблемы всегда решал спокойно, без надрыва. Он был технически грамотный человек, кандидат технических наук, выпускник Московского института им. Баумана. Под его непосредственным руководством, сначала как главного инженера, а потом – директора, завод успешно переориентировал производство с выпуска автомобильных прицепов на гусеничные рисо-зерноуборочные комбайны – технически более сложную продукцию.

Главное в стиле его руководства было не подавлять своих подчинённых мелочной опекой, а давать им свободу в работе, тем самым повышая их ответственность. Я никогда не забуду один разговор с ним, в самом начале моей работы главным энергетиком, который стал для меня хорошим уроком. В одном из заводских детских садов произошёл взрыв водонагревателя из-за неправильного его подключения сантехниками и электриками энергоцеха. Обошлось без жертв, но эта авария стала известна директору. Он пригласил меня как глав-

ного энергетика для объяснения. Я начал ему рассказывать, он сначала внимательно меня слушал, потом прервал и сказал, очень тактично: «Радик Львович, я ничего не понимаю в электричестве. Давай договоримся, что ты будешь работать так, чтобы мне меньше объяснять».

Урок заключался в том, что я почувствовал очень большую ответственность за свою работу: если что-то случится, то я действительно никому и ничего не объясню. А общий вывод такой – быть руководителем – это уметь распределять ответственность, не демонстрировать свои знания и не кичиться ими, а подчёркивать умения и знания своих подчиненных.

Эдуард Григорьевич Липовецкий был очень уважаемым человеком не только на заводе – с его мнением считались и в городе, и в области, и в крае. В 1980 году его перевели в Хабаровск директором НИИ «Дальстандарт». Там он проработал до выхода на пенсию в 1988 году. Я с ним в те годы встречался, мы много разговаривали о его новой работе, и мне показалось, что он был не очень доволен ею. Ведь он был до мозга костей производственник, привык к общению с простым народом – рабочими, инженерно-техническим людом, – а для научного коллектива, с его интригами, требовался другой жизненный опыт.

Уже будучи на пенсии, в начале девяностых, Эдуард Григорьевич вместе с семьей, переехал в Израиль и местом жительства выбрал город Нацерет Илит, а я в эти годы приезжал в Израиль несколько раз в командировку

по делам бизнеса, был в Нацерет Илит и встречался с ним. Тогда он меня сильно поразил и удивил: всегда улыбчивый, общительный, энергичный, он сидел с потухшим взглядом и равнодушно, как мне показалось, участвовал в нашей беседе. Я тогда не знал, что он уже был тяжело болен, у него был страшный диагноз – рак мозга.

В ноябре 1993 года к нам в Биробиджан пришла тяжёлая весть, что на 66-м году ушёл из жизни Эдуард Григорьевич Липовецкий, прекрасный человек, мой учитель по жизни и профессии. Светлая ему память.

Среди ближайших помощников Корсунского в те годы были опытные руководители областного и городского уровня, много сделавшие для развития экономического и социального потенциала города и области. И особое место в этом ряду принадлежит Марку Матвеевичу Кауфману – председателю облисполкома, Ивану Степановичу Кубареву – его первому заместителю, Лазарю Борисовичу Абрамовичу – заведующему промышленно-строительным отделом обкома, Алексею Алексеевичу Унтевскому – председателю Биробиджанского горисполкома.

В марте 1990 года была отменена 6-я статья Конституции о руководящей роли КПСС и однопартийности, пошли разговоры о передаче хозяйственных функций партии в советы. И тогда я впервые задумался об уходе с партийной работы, не ожидая, когда меня освободят от неё за ненадобностью. Но окончательное решение я принял, когда началось шельмование партаппарата, обвинения его во всех грехах. Ходить в производственные

коллективы и оправдываться мне было не по душе. Тогда с заявлением об уходе я обратился к Корсунскому, но он это не принял всерьёз.

Прошло месяца три, и на одном из бюро обкома Борису Леонидовичу надо было принять решение, кем он будет работать – первым секретарём обкома или председателем областного Совета, так как сидеть на двух стульях было запрещено, а он тогда занимал две эти должности. Корсунский выбрал второе, тогда выступивший Евтушенко, глава нашего КГБ, сказал, что ничего страшного, Радик Львович станет первым секретарём, а потом его изберут на конференции. В ответ я сказал, что отказываюсь быть не только первым, но и вторым. После небольшого шока моя ультимативная просьба была удовлетворена.

Но до пленума обкома, на котором будет утверждена моя отставка, я ещё работал и успел даже представлять область на Международном экономическом форуме стран тихоокеанского бассейна, проходившего во Владивостоке в сентябре 1990 года. Я дал согласие участвовать в работе этого форума только по настоянию моего приятеля Павла Александровича Минакера, первого директора Биробиджанского института комплексного анализа региональных проблем, доктора экономических наук, так как оно было запланировано ранее.

Конечно, было интересно послушать выступления многих видных учёных-экономистов, особенно запомнилась речь тогдашнего министра иностранных дел нашей страны Эдуарда Шеварнадзе.

Но для меня оказалось очень важным, как показало будущее, знакомство с главой представительства торговой палаты СССР в Израиле – Юрием Васильевичем Охрименко. Забегая вперёд скажу, что Юрий Васильевич станет моим первым наставником по вопросам внешней торговли, будет организатором приёма первой делегации ЕАО, посетившей Израиль в июле 1991 года. Делегацию возглавлял Борис Леонидович Корсунский, а я был её членом и спонсором как генеральный директор внешнеторговой ассоциации ЕВА. Ему я обязан знакомством с видным экономистом, а позже политическим деятелем Израиля, членом Кнессета нескольких созывов Юрием Штерном. Встреча и знакомство с ним состоялась в Москве, в Доме Хаммера, где обсуждались вопросы возможного сотрудничества с нашей ассоциацией. Меня поразили его личностные качества: гибкость ума, энергичность и внимательность. Давая свою визитку, он написал на её обратной стороне телефоны своих родителей, живших тогда в Москве, со словами: *«Если до меня не дозвонитесь, они всегда меня найдут»*.

Работа в АО «ЕВА»

Итак, по приезде из Владивостока решением пленума я был освобождён от должности второго секретаря обкома и стал свободным человеком, к тому же безработным, так как ушёл в никуда. Правда, обо мне потом позаботились и предложили должность заместителя председателя облисполкома по внешнеэкономическим вопросам.

Но на последующей сессии областного Совета, где меня должны были утвердить в этой должности голосованием депутатов, я подумал: зачем я опять должен зависеть от толпы, переживать – проголосуют или не проголосуют, тем более, что у меня уже созрел план для самостоятельной работы. В общем, я снял свою кандидатуру с обсуждения, т.е. отказался от новой номенклатурной должности.

Корсунский и Скачков, присутствовавшие на сессии, были крайне удивлены таким моим решением, посчитав его необдуманным и эмоциональным. На их вопрос, куда я теперь пойду работать, я сказал, что в бизнес. Такой ответ их очень поразил и озадачил. Слова «бизнес» и «секретарь обкома» тогда ещё не сочетались. Но я для себя принял решение заниматься бизнесом, т.е. внешней торговлей. Тогда уже была отменена монополия государства на внешнюю торговлю, и в Хабаровске успешно работала Ассоциация внешней торговли – «Хабэко». Ее директором был бывший второй секретарь одного из райкомов Хабаровска Евгений Зарубин, мой хороший знакомый. Узнав у него порядок регистрации этой структуры и успешно пройдя все её этапы, я получил на уставных документах последнюю подпись заместителя министра внешнеэкономических связей страны В.Н. Шестакова.

Таким образом, созданная мною коммерческая фирма «ЕВА» (расшифровывается как Еврейская Внешнеторговая Ассоциация) получила право на существова-

ние. На собрании её учредителей, которыми стали практически все заводы и фабрики города, я был назначен генеральным директором. Начались мои рабочие будни: пробивание лицензий, поиск товаров, продавцов и зарубежных покупателей, приобретение новых знакомств и осваивание нового дела. Конечно, все эти задачи пришлось решать новому коллективу, и дальнейшая работа показала, что мне удалось создать хорошую, дееспособную команду из порядочных, ответственных и творческих людей. Вот костяк этой команды: Михаил Адамс – бывший второй секретарь Биробиджанского горкома, Александр Гершман – бывший второй секретарь Биробиджанского райкома, Михаил Гомон – бывший зам. директора завода «Дальсельмаш» по экономике, Семён Шапиро – бывший директор Биробиджанского Горпромторга, Борис Смикун, Семён Брусиловский, Наталья Машкова – наш главный бухгалтер, Наум Адамс – наш юрист, Галина Антонова – секретарь фирмы, и другие прекрасные мои помощники.

Несколько месяцев ушло на то, чтобы получить от министерства внешне-экономических связей (МВС) необходимые лицензии, т.е. права на продажу в бартерных контрактах пиломатериалов, удобрений, чёрных и цветных металлов. И тут я хочу подчеркнуть, что свою деятельность мы начали с нулевым капиталом, а модные разговоры о деньгах партии – это официально доказанная больная фантазия завистников. Просто некоторые не знали, что если приложить голову, то деньги можно делать и из воздуха, точнее, из воздушных электролиний.

Первый контракт у нас был с японской компанией по продаже алюминия, который был добыт из демонтированных алюминиевых проводов с заброшенных, отключённых сельских воздушных электролиний на территории Хабаровского края. Идея эта была моя, сказала профессия: я вспомнил, сколько видел воздушных электролиний, ведущих в никуда, т.е. отключённых и заброшенных, когда ездил по сёлам области. Я позвонил управляющему треста «Сельэлектрострой» и предложил схему, как можно заработать деньги из «воздуха». В результате реализации этого контракта первые деньги заработала и ассоциация ЕВА.

С китайскими партнерами по бизнесу. 1990-е гг.

Затем был второй проект, только по меди – из медных проводов электросвязи. Потом были бартерные контракты с китайскими компаниями по обмену удобрений, черных металлов на сахар, тушёнку, яблоки и

разные промтовары. Удобрения были с предприятия «Облсельхозхимия», металл – неликвиды завода силовых трансформаторов.

Шло время. Внешнеэкономическая наша деятельность расширялась, увеличивалось количество контрактов с китайскими компаниями, активизировалась торговля с японскими, корейскими и израильскими торговыми фирмами, всё больше товаров первой необходимости появлялось на прилавках области. В начале 1993 года наша ассоциация, по результатам деятельности, в числе первых в стране приказом министра внешней торговли России была объявлена спецэкспортёром. Это давало нам право продавать за рубеж некоторые виды стратегических товаров предприятий и организаций, не имеющих на это лицензий. На те товары, которые предприятия продавали через нашу ассоциацию (чёрные и цветные металлы, пиломатериалы, удобрения), мы теперь оформляли контракты и несли полную ответственность за их выполнение, юридическую грамотность, отсутствие демпинговых цен, контрабанды и т.п., за что нам причиталось 2% от стоимости контракта.

И таких контрактов за год набралось несколько десятков. У нас появились на счету деньги, а с ними и много соблазнов, но порядочность и честность членов команды, мудрость нашего главного экономиста Михаила Ефимовича Гомона были главным тормозом в появлении иногда авантюристических идей. Отсюда и соблюдение главного принципа в нашей деятельности – не нарушать законы и спать спокойно. Естественно, во

время любой работы могут появиться проблемы. Не миновали они и нас, а вот решать их приходилось иногда довольно оригинально для того времени. Так, в связи с увеличением объёма перевозок грузов, особенно в Китай, для решения транспортных проблем мы взяли в аренду в Амурском речном пароходстве судно водоизмещением 300 тонн, с командой, которое проработало на нас всю навигацию. Это было новое для того времени решение. Или когда мы посчитали, что много денег уходит на оплату за хранение грузов в Ленинском порту, то взяли в аренду железнодорожный тупик с прилегающей территорией, и теперь не мы платили, а нам платили хозяева грузов, хранившихся там. Этот тупик стал неплохой статьёй дохода.

Делегация ЕВА в Японии. Начало 1990-х гг.

Случались и совсем удивительные истории. Одна китайская фирма не поставила нам товар, причитавшийся по контракту, и мы договорились, что она рассчитается за этот товар валютой – долларами. Но мы должны были сами получить эти деньги в Китае и вывезти их. Мало того, что процесс вывозки был детективной историей, поскольку китайские бандиты пытались их отобрать. Но и у себя в России – в Биробиджане и Хабаровске – мы не могли найти банк, который бы согласился взять на хранение 100000 долларов, т.к. тогда не было банков, даже в Хабаровске, имеющих право валютных операций. Как мы эти деньги пристроили и во сколько нам это обошлось – отдельная история. А самым оригинальным у нас был контракт с одной китайской фирмой: обмен старых советских автомобилей («Москвич», «Жигули-1», «Волга-24») на летние яблоки. Конечный эффект от этой операции был таким: хозяева автомобилей получили от нас столько денег, что их хватило, чтобы купить новые автомобили.

В 1992–1994 годах плоды деятельности ассоциации ЕВА хорошо были видны на прилавках городских магазинов. Сахар, все яблоки зимние и летние, мясные консервы, мандарины, многие промышленные товары – японские куртки «аляски», японские телевизоры, японские подержанные автомобили, видеоманитофоны, китайские пуховики, кожаные куртки и т.д. – это всё было нашей поставки. В своей работе мы тесно сотрудничали с

грузовым автохозяйством, трестом столовых и ресторанов, с другими предприятиями города. Для продажи своих товаров мы открыли свой магазин – «Любава», заключили договор на поставку товаров с магазином «Старт». На свои средства построили 24 квартиры. У ассоциации не было ни одного замечания и ни одного сорванного из ста реализованных за четыре года контрактов.

Но всего перечисленного оказалось недостаточным, чтобы убедить тогдашнего губернатора Николая Волкова подписать один документ – просьбу руководства области к МВС продлить наше право как спецэкспертера на следующий год. Таковы были общие требования. Впечатляющими были и аргументы, объясняющие отказ: «Не всё коту масленица. Не ты один хочешь хорошо жить». Я не стал разбираться кто ещё хотел хорошо жить, но наша жизнь резко ухудшилась.

Все фискальные службы в течение нескольких месяцев начинали свой рабочий день с нашей фирмы, перебирая документы в безуспешных поисках компромата. Стало понятно, что ожидать хорошего не приходится. Вот тогда большинство из нас и приняли решение: надо уезжать, а вариант «куда», был один – Израиль.

Подводя жизненные итоги

Главной особенностью получения моего образования являлось не только то, что я довольно легко и успешно учился в школе, техникуме, армии и в институте, но и то

что мне зачастую просто не давали учиться. В силу различных причин, главным образом производственных, меня не отпускали на различные курсы повышения квалификации, несколько раз отзывали с курсов младших лейтенантов – поэтому у меня не было офицерского звания. Когда разобрались, что второй секретарь обкома даже не лейтенант, военкомат подал прошение на присвоение мне звания сразу майора, но я не успел его получить, так как подал в отставку. Мне было довольно интересно, когда генералы стояли передо мной навтыжку, не догадываясь, что я просто старшина.

Не было у меня и никакого партийного и даже политического образования – несколько раз я начинал учиться в университете марксизма-ленинизма, и каждый раз меня отзывали по разным неотложным поводам. Правда, однажды было принято решение отправить меня на учёбу в Академию общественных наук, и я даже согласился, но тогда мне было уже 44 года, а как оказалось, максимально допустимый возраст для начала учёбы в этом учебном заведении был 35 лет, так что на учёбу в Москву поехал кто-то другой. Может быть, это было и хорошо: из-за отсутствия партийного образования, при всей моей вере в праведность системы, в которой мы тогда жили, у меня всё же не было идеологической зашоренности, и поэтому занятие бизнесом в моём понимании не было чем-то порочным.

Перебирая в памяти различные периоды своей жизни, осмысливая свои достижения или провалы, я посчитал,

что в моей трудовой биографии было пятнадцать должностных ступеней, и только три из них я прошёл по своему решению: это увольнение с завода «Елгавсельмаш» в Латвии, переход на работу в техникум с завода «Дальсельмаш», как оказалось, временно, и уход из обкома. По всем остальным двенадцати ступенькам меня кто-то переводил, продвигал по службе. Эти «кто-то» были мои руководители, мои учителя, т.е. люди, с которыми я работал, которые оценивали мои деловые качества, организаторские способности, мою грамотность. Так получалось, что мне всегда казалось, будто я не соответствую их доверию. И складывалось так, что я почти всегда доказывал – мне по плечу и эта новая должность, хотя часто она не соответствовала моему опыту и даже образованию (механик вдруг стал электриком).

Большая часть моих трудовых ступенек была пройдена на заводе «Дальсельмаш», где я проработал семнадцать лет. Сослуживцы по заводу – самые дорогие и близкие для меня люди, и очень печально сознавать, что этого предприятия, созданного трудом прекрасного коллектива, уже нет, а на его месте стоят заброшенные, полуразрушенные корпуса. Да, завода нет, но остались ещё заводчане, большая часть трудовой биографии которых была связана с ним. Грустно вспоминать о моём присутствии на его, можно сказать, поминках в сентябре 2012 года, когда я был в Биробиджане в составе делегации из Нацерет Илит, приглашённой на юбилей города. Собрались вместе за накрытым столом бывшие

сослуживцы: Александр Резниченко, Александр Шлюфман, Тамара Ковалёва, Вилий Арнаполин, Михаил Закон, Михаил Канделя, Валерий Гуревич, Аня Голышева, и за рюмкой «чая» вспоминали о людях, работе, рассказывали разные смешные истории, смеялись. Но это был смех сквозь слёзы, — по сути, это состоялись поминки по заводу «Дальсельмаш».

Обдумывая свою жизнь, могу сказать, что я — чело-

Тамара с дочкой Светой. 1969 г.

век очень везучий на людей, близких мне в разные времена. Самым дорогим подарком судьбы во все совместно прожитые годы являются моя жена Тамара — мой верный друг и прочный тыл, наши любимые дети Светлана и Евгений, внучка Света-маленькая и внук Лион. Все они — наша главная забота, гордость и радость. В неоплатном долгу я перед своими родителями, отцом и мамой, подарившим мне и сестрёнке жизнь и сэкономившим нас, ценой своих невероятных страданий, в тяжёлые годы войны. В моей благодарной памяти — незабвенная бабушка Сарра, заботившаяся о своих внуках в тяжёлое послевоенное время, дядя Рома, тётя Ида, как могли помогавших маме в нашем воспитании.

Всегда в моей памяти будут мои друзья детства, студенческих и армейских лет, люди с добрым сердцем и открытой душой: Фёдор, Николай, Андрей, Костя и Владимир. С теплотой и благодарностью помню своих учителей по жизни и профессии: Андрея Ивановича Болашвили, Эдуарда Григорьевича Липовецкого, Ивана Степановича Кубарева, Бориса Леонидовича Корсунского, Александра Афанасьевича Скачкова, Михаила Ефимовича Гомона. Просто невозможно перечислить всех, кому я благодарен за участие в моей судьбе, в моих достижениях, оказании помощи в критических ситуациях.

Сейчас, на склоне лет, когда замедлился темп моей жизни и уже не тревожат различные производственные, да и бытовые заботы, появилась возможность спокойно эту жизнь осмыслить. Когда я думаю о прожитом, мне всё больше кажется, что судьбе было угодно мою жизнь сделать как бы повторением и продолжением очень короткой отцовской. Когда отец погиб, мне было только два года, и он не мог вмешаться в мою жизнь. Но я, как по какому-то провидению, как и отец, после школы закончил сельскохозяйственный техникум будучи городским жителем. Правда, он стал агрономом, а я – механиком. Потом, как и у него, у меня была армия; он был в звании старшины срочной службы, и я тоже; он служил в Прибалтике, и я через двадцать лет служил там же, только он – в Литве, а я – в Латвии. Он был политрабником, и меня судьба вывела на политическую стезю,

при всём моём инженерном образовании и немалом производственном стаже.

Семья моей сестры Октябрины. 1991 г.

По стопам нашей незабвенной бабушки Сарры пошла моя сестра Октябина. Так как она была очень болезненной девочкой, то, по договорённости с мамой, после войны жила у неё, и ей обязана ей своим выздоровлением и воспитанием. Она повторила судьбу бабушки, став педагогом. Многие годы, вплоть до отъезда в Израиль, Октябина работала учителем, завучем в школе, инспектором и заместителем заведующего отдела народного образования Еврейской автономной области.

Получается, что наши самые родные люди – бабушка, мать, отец – не только подарили нам жизнь, спасли нас в

суровые годы войны, воспитали, но и создали нам ориентиры, по которым мы могли бы относительно благополучно продвигаться по своему жизненному пути.

По этим же меткам идут по жизни теперь наши дети и внуки. И хотя Света и Женья, можно сказать, состоялись, работают по специальности, в соответствии со своим высшим образованием, полученном ещё в стране рождения, имеют свои семьи, детей, наших внуков (внучка Света – студентка Иерусалимского университета, внук Лион заканчивает школу, идет в армию), они сейчас для нас, меня и моей жены Тамары, – главная ценность, наша постоянная забота и наша гордость.

Перебирая в памяти различные эпизоды своей жизни могу сделать вывод, что она мало чем отличалась от жизни большинства представителей моего поколения. Бытовые условия тогда были практически у всех одинаковые, завидовать некому было. Жили в коммунальных квартирах, одевались как все. Мальчики ходили, и я в том числе, в кирзовых сапогах, сатиновых чёрных шароварах (чем шире, тем моднее), зимой – в фуфайках и подшитых валенках, катались на коньках, прикрученных на веревках, по обледелым дорогам, зацепившись клюкой за машины полуторки.

Отношения между девочками и мальчиками строго регламентировались общественным мнением, ходить под ручку или за ручку очень тогда осуждалось.

Когда я познакомился с Тамарой в марте 1966, в городском Доме культуры на вечере, посвящённом 8-му

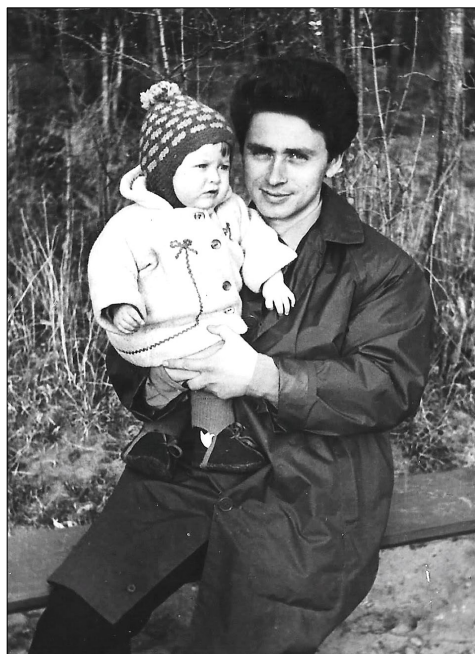
марта, я уже был взрослым, 27-ми лет. Цепким, изучающим взглядом я очень быстро выделил из массы танцующих миниатюрную и миловидную девушку и пригласил на танец, потом – на второй, но увы, к моему сожалению, проводить себя она не разрешила. Как потом призналась, она побоялась, чтобы меня не избил другой ухажёр, которому тоже не разрешила себя проводить. Но судьбе было угодно нам ещё раз встретиться, и на этот раз на всю жизнь. Тогда она с подругой жила на съёмной квартире, в комнате, где помещались одна кровать и маленький столик, работала в детском саду воспитательницей, а я жил в заводском общежитии, и более года мы встречались почти каждый день. Пешком, наверное, исходили весь город.

Так было до тех пор, пока её подруга не вышла замуж и не освободила спальное место. Подруга ушла 7 мая, а я с одним чемоданом, набитом книгами, переехал к Тамаре 8 мая, и этот день мы считаем днём нашего бракосочетания. Так началась наша семейная жизнь, не совсем благоустроенная, но счастливая.

Главной проблемой, конечно, была квартира, но так начинали многие. Сначала мы жили на одной съёмной квартире, потом – другой, потом какое-то время жили у моей матери, в очень старом частном доме, с промерзающими углами. Там 2 июля 1968 года родилась наша дочь Светлана, что, конечно, стало самым радостным и счастливым днём в нашей семейной жизни. А через год осчастливило нас известие о выделении мне на заводе однокомнатной квартиры, правда, не

со всеми удобствами — не было ванной, но это мелочи, главное, что мы наконец имели свою жилплощадь и ни от кого не зависели.

В этой квартире у нас в марте 1972 года родился сын Евгений, имя ему мы дали в честь моей мамы. Потом будут и двух- и трёхкомнатные

С дочерью Светой. 1969 г.

квартиры, которые мне дадут от механического техникума и завода «Дальсельмаш», а когда стал вторым секретарём, то получил квартиру от обкома. Ранее в ней жил, до отъезда в Москву, Лев Борисович Шапиро. Когда он уезжал, то свою квартиру оставил почему-то мне. Он был очень скромным и интеллигентным человеком, и эта квартира была далеко не самая роскошная — обычная трёхкомнатная. Дети наши ходили в обычные школы и кружки, их учёба и поведение не доставляли особых хлопот и, хотя я занимал высокое положение в городе, они вели себя скромно и достойно.

С Тamarой, сыном Евгением и его дочкой Светой. 2000-е гг.

В нашей семье все годы был стабильный круг общения. Конечно, самым близким человеком была для нас моя сестра Октябрина, её муж Владик и их дети, наши друзья Николай и Люда Данильченко. Мы вместе отмечали праздники, выходили на природу, зимой ходили на лыжах, вместе ездили в дома отдыха, и т.п. Не забывали мы и родственников Тamarы: её отца, братьев и сестёр, в разные периоды жизни некоторые из них даже жили у нас.

Я многое в семейной жизни описываю в позитивных тонах, но не потому, что всё было так гладко, без трагедий и несчастий. К сожалению, всё далеко не так. Были и потери самых дорогих мне родных и близких – бабушки, мамы, и болезни Тamarы, детей; немало стрессовых потрясений было и на работе. Но, наверно, так

устроена человеческая психика: всё плохое и негативное стирается из памяти, и остаётся только позитив и надежда на светлое, доброе будущее.

Гордимся и радуемся мы успехам нашего сына Евгения в профессии. Он инженер, знает три языка, семнадцать лет проработал, пройдя довольно тяжёлый отбор, на одном из самых престижных предприятий хайтека – «Интол». Знания и опыт, полученные там, помогли ему освоить новейшие технологии и на другом предприятии хайтека, где он сегодня успешно трудится.

Тамара с внуком Леоном. 2000-е гг.

Рады мы и успехам своей дорогой внучки Светочки, его дочери, – она студентка Иерусалимского университета, будущий биохимик. И разносторонний человек – прекрасно рисует, её зарисовки не раз публиковались в журналах, увлекается фотографией, много читает. Отслужила армию, сегодня она в одном воинском звании со своим папой.

Состоялась в своей профессии и наша дочь – большая Света. Она экономист, много лет проработала заведующей разными отделами в магазине израильской торговой сети «Эйчендоу», а сегодня она служащая в бытовом магазине «Макаби». Её сын – наш любимый внук Лион, подвигнувший меня написать эти воспоминания, уже

закончил школу и идёт в армию. Наш зять Владислав, муж дочери, более двадцати лет работает начальником смены на одном из заводов города. Дочь с семьей имеет хорошую квартиру, живет в нашем городе, а сын с семьей – в другом, в сорока минутах езды от нас. Мы общаемся, перезваниваемся, встречаемся, отмечаем вместе

Наши дети – Света и Женя. 2005 г.
праздники, и конечно рады, что рядом дети, внуки, и для нас самое главное, чтобы все они были здоровы, благополучны и счастливы.

ЭПИЛОГ

Прошло более двадцати лет, как мы живем в Израиле. Многие из моих друзей, сослуживцев, родных за это время последовали нашему примеру. Некоторые из них живут там, где и я с семьей, – в городе Нацерет Илит, недавно переименованном в Ноф-ха-Галиль. Государство Израиль стало для всех нас новой родиной, здесь у нас уже родились внуки, правнуки, дети закончили школы и университеты. Наконец, здесь мы отметили в 2017 г. свою золотую свадьбу...

Биробиджанцев можно встретить среди врачей, учителей, инженеров и рабочих, но как бы глубоко ни пустили мы корни в новом прекрасном государстве, добрая теплая память о нашей малой родине – Биробиджане – всегда с нами. И это нормально: человек всегда помнит те места, где он родился, учился, где прошла бóльшая часть его жизни, где могилы его родных и близких. И всё это очень наглядно продемонстрировано на всеизраильских встречах биробиджанцев, которые традиционно проходят в нашем городе. Со всех уголков Израиля приезжают земляки, чтобы встретиться со своими друзьями, одноклассниками, сослуживцами. Трудно передать словами атмосферу радости, счастья, душевного подъёма, царящую на этих встречах. Люди обнимаются, смеются, плачут и взахлёб, бесконечно, перебивая друг друга, говорят, вспоминают *ту* жизнь, *тот* город, где родились, ходили в один детский сад или в школу, работали на одном заводе или фабрике, где они влюблялись или расставались. Им есть о чём рассказывать и вспоминать...

С женой Тамарой на встрече земляков? 2000-е гг.?

Я рад, что был одним из инициаторов и организаторов таких встреч земляков, что будучи уже в преклонном возрасте я и Тамара (она ведёт кружки по изучению иврита) нашли себя в общественной работе, что у нас много товарищей и друзей, с которыми можно не только вместе отмечать праздники, семейные торжества или поехать отдыхать за границу, но и подставить плечо друг другу в трудные минуты...

Мы с Тамарой благодарны Елене Арнополиной, Асе Гомберг, Науму Стародубскому, Якову Соскину, Давиду Вассерману и Владимиру Ротенштейну за дружбу, за активную поддержку наших общественных начинаний. И конечно, не могу не высказать свою признательность моим ближайшим помощникам, членам правления землячества «Россия» Анне Гузенко, Владу Бениаминсону, Семёну Брусиловскому, Светлане Гусевой, Фаине Бабинер, Ольге Мулик, Тамаре Урицкой – добрым, отзывчивым, бескорыстным людям, а также

***Мэр Нацерет Илита Менахем Ариав, мэр г. Биробиджана
А. Винников и бывший глава ЕАО Л. Шапиро. 2004 г.***

всем работникам отдела абсорбции и интеграции мэрии города Нацерет Илит – добросовестным многолетним кураторам нашей общественной организации.

*Добавить текст о намерении заключить побратим-
ский договор между Биробиджаном и Нацерет Илит...
И с кем Вы обмениваетесь протоколами?*

Обмен протоколами о намерениях заключить побратимский договор между Биробиджаном и Нацерет Илит. 2012?

Подготовить подпись под этим фото...

ПРИЛОЖЕНИЯ

И все-таки верю – разум победит!*

Радик Львович Сандик,
*второй секретарь обкома КПСС
Еврейской автономной области*

Переживаемый нами в настоящее время кризис общественной жизни привел не только к пустым магазинным полкам и системе талонов на продукты питания, но и – что еще более тревожно – к росту неуверенности населения в своем будущем и к попыткам найти, причем любой ценой, виновных, которые довели страну до такого положения дел и несут ответственность за все трудности и неудачи.

В целом, разочарование населения в сложившихся условиях демократизации и гласности вызвало у многих и многих негативные чувства, побуждающие их к действиям, противоречащим элементарному здравому смыслу. Газета «Правда» в номере от 22 сентября 1989 года приводит слова министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина, заявившего: «В ходе националистических волнений и беспорядков, имевших место в стране в текущем и прошлом годах, были убиты 292 человека, 5 250 человек получили тяжелые телесные повреждения, тысячи жилых зданий и помещений были сожжены и разграблены. Порядка 360 000 армян, азербайджанцев, турков-месхетинцев и лиц других национальностей были на-

* Впервые опубликовано в газете «Биробиджанская звезда» в начале декабря 1989 г., а на идиш – в «*Биробиджанер штерн*» (*Звезда Биробиджана*) 16 декабря 1989 г.

сильно изгнаны из своих домов. Разве возможно найти рациональное объяснение всему этому гневу, ненависти, пролитой крови на семьдесят втором году Советской власти?»

И поэтому советские люди обращаются с вопросом к руководству страны. В эти нелегкие времена перемен естественно их желание знать мнение лидеров партии и государства о сложившейся ситуации. Подобного рода безразличие руководителей по отношению к негативным процессам в сфере межнациональных отношений может восприниматься некоторыми как молчаливое согласие и неявное поощрение происходящего.

Не исключено, что именно по этой причине экстремистски настроенные антисемиты в состоянии открыто и нагло высказывать свои черносотенные взгляды в некоторых средствах массовой информации. Даже в черные годы сталинизма государственный антисемитизм стыдливо прятался за ширмой «борьбы с космополитизмом». Сейчас же, в период перестройки, когда политика партии по национальному вопросу сформулирована со всей определенностью (в сентябре 1989 года), неприкрытые и откровенные антисемитские взгляды безнаказанно провозглашаются на страницах ежемесячных журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Кубань», еженедельника «Советская Россия» и ряда других изданий. Значительные тиражи этих журналов и газет предоставляют миллионам читателей возможность ознакомиться с лишенными каких-либо моральных принципов высказываниями относительно так называемых «врагов русского народа», принадлежащими перу таких авторов, как С. Куняев, И. Шафаревич, А. Иванов, М. Лобанов, и других.

Для вывода относительно того, что «малый народ» (евреи) подрывают основы жизни «великого народа» (русских) [см. статью «Русофобия» профессора Игоря Шафаревича в журнале «Наш современник» (1989, № 6)], Шафаревичу уже недостаточно быть математиком и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он не сомневается, что его «научообразные» бредни останутся безнаказанными, если их преподнести как плюрализм мнений.

Не может не вызывать удивления, почему центральный орган нашей партии, газета «Правда», публикует высказывания редакторов «Молодой гвардии» и «Нашего современника», которые тщатся доказать, что их журналы вовсе не способствуют распространению антисемитизма. А если в каждом из номеров этих журналов идет речь о том или ином лице еврейской национальности, так это исключительно ради объективного отражения истории, и авторы стремятся убедить нас, что именно евреи являются изначальной причиной, приведшей нас к бесчисленным жертвам и страданиям, начиная с Октябрьской революции и вплоть до периода культа личности Сталина.

Необходимо обладать особым талантом, чтобы усмотреть русофобию в выступлении Бориса Леонидовича Корсунского (первого секретаря Еврейского обкома КПСС в 1987-1990 гг., еврея по одному из родителей), который в своем выступлении на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС (1989) открыто и мужественно выступил с критикой антисемитизма.

Как же можно объяснить открытое обращение редакции «Молодой гвардии» (1989, № 11) в адрес Политбюро ЦК КПСС и открытое письмо, адресованное Б.Л. Корсунскому за подписями членов редколлегии и парткома журнала? Отрицая – с наигранным гневом – обвинения в антисемитизме,

они снова, без тени стыда, демонстрируют свою неприкрытую антипатию к евреям.

Эта болезнь заразна, и маниакальная убежденность в безусловной вредоносности еврейского народа овладевает умами все большего и большего числа людей. Неужели некому остановить распространение этой мерзости? Неужели голоса лучших представителей нашего общества – ученых, деятелей искусства и культуры, народных депутатов СССР, обращающихся к разуму, идеалам человечности и традициям дружбы людей всех наций, – не в состоянии оказать ни малейшего воздействия на тех, кто запугивает общественность жупелом «жидо-масонства»?

К сожалению, опыт трагической истории моего народа вынуждает нас реагировать с обостренной чувствительностью на каждое слово, неосмотрительно сказанное в наш адрес, или даже на позицию, занимаемую теми, кому не следовало бы в таких случаях проявлять безразличие.

Не думаю, что существует необходимость прибегать к научным обоснованиям или изыскивать какие-либо особые доказательства для того, чтобы выявить суть и задачи текста, принадлежащего такому, скажем, автору, как Н. Кузьмин. Он описывает, как (во время войны) в его родную деревню прибывает группа эвакуированных: «И сразу же всем всё стало понятно. Во-первых, среди них не было ни одного русского. И, во-вторых, похоже было, что существовали некие причины, по которым эти молодые евреи не были призваны в армию и не отправлены на фронт. Искалеченные в боях солдаты, вернувшись домой из госпиталей, не могли скрыть свой гнев» («Молодая гвардия», 1989, № 6).

Какие же мысли и чувства способны пробудить такого рода фразы – особенно в то время, когда общество «Память»

уже занимается сбором адресов местожительства евреев, а их двери изукрашены листовками и надписями типа «Жида, прочь из России!». Действительно, у евреев (равно как и у армян, немцев, русских и представителей других национальностей), подавших документы на выезд из страны, имелись различные причины, побуждающие их эмигрировать: воссоединение семей, неудовлетворенность условиями для развития своего потенциала и, в целом, стремление к лучшей жизни. Однако к принятию такого судьбоносного решения, как эмиграция, в большинстве случаев их побуждала общая атмосфера межнациональной напряженности в стране.

Нелегко оставаться равнодушным к письмам и жалобам, ежедневно поступающим в наш обком партии. Люди просят защитить их от местных злобствующих националистов. Евреи надеются, что наш обком выступит с инициативой о принятии мер, обеспечивающих защиту евреям всей страны. Некоторые авторы писем просят оказать им содействие в переселении в Еврейскую автономную область.

Однако представляется практически невозможным удовлетворить просьбы всех евреев о переселении в ЕАО и обеспечении их жильем – особенно это касается людей с высоким образовательным уровнем. Именно по этой причине особо неотложной становится необходимость обеспечить дальнейшее социальное и экономическое развитие ЕАО.

Я полагаю, что вопросом государственной важности является создание в ЕАО такого экономического и интеллектуального потенциала, такого уровня жизни, национальной культуры и социальной инфраструктуры, которые могли бы предоставить привлекательную альтернативу всем тем, кто стоит перед судьбоносным выбором: оставлять ли свою родину из-за опасения трудностей на националистической почве.

Эта грандиозная политическая задача должна решаться на общесоюзном уровне, что требует внесения соответствующих изменений в государственный план развития Еврейской автономной области до 2000 года. Такого рода проектные предложения в настоящее время рассматриваются в различных планирующих и государственных структурах СССР и РСФСР.

И в заключение я не могу не сказать о взаимоотношениях между русским и еврейским народами. История этих отношений имеет более чем вековую продолжительность, и отнюдь не всегда они были, что называется, безоблачными. Но не будем забывать, что одаренные представители еврейского народа внесли свой посильный вклад в сокровищницу русской культуры, а лучшие сыны русского народа неоднократно и решительно выступали против антисемитизма. В годы советской власти сближение двух наших народов происходило особенно быстрыми темпами, и мы полагали, что печальное наследие прошлого изжило себя. Впрочем, ситуация может представляться и не столь радужной.

Тем не менее, я считаю, что здоровые тенденции развития наших отношений возобладают, и этому не смогут воспрепятствовать те, кто столь усердно «радеют» о благе русского народа.

Вспоминая Леонида Школьника

К огромному сожалению, когда я писал эти строки, пришла трагическая весть: 21 июня 2019 года ушёл из жизни, после длительной и тяжёлой болезни, наш земляк *Леонид Борисович Школьник* (1945–2019).

Я с ним разговаривал буквально за месяц до его ухода, говорил именно об этой книге, и хотел, чтобы он был её редактором. Он подсказал, что именно мне надо ещё по ней сделать, и мы договорились, что я ему перезвоню. Тон разговора не предвещал ничего трагического.

Трудно говорить о нём в прошедшем времени, потому что я знал его как большого жизнелюба, всегда деятельного, энергичного, очень контактного и отзывчивого человека. Я с ним много общался в прошлой жизни, в Биробиджане, когда он был редактором газеты «Биробиджанер штерн», а я работал в обкоме. Он был очень авторитетный человек в городе и области. Два года назад, из-за болезни, он не смог приехать по персональному приглашению в Биробиджан на юбилей города.

Могу сказать, что горжусь тем, что принимал деятельное участие в выборной кампании по избранию его депутатом Верховного Совета СССР. Я ему обязан многими знакомствами с еврейскими активистами страны, когда мы были с ним делегатами первого и второго съездов ВААДа. Леонид Борисович был талантливый журналист, поэт, переводчик, и непревзойдённый рассказчик. Он с увлечением рассказывал о своей работе в межрегиональной группе, в которой были многие известные на всю страну люди – Андрей Сахаров, Елена Боннэр, Юрий Афанасьев.

Леонид Школьник среди делегатов ВААДа от ЕАО. 1989 г.

Трудно переоценить и его вклад в израильскую русскоязычную периодику – сначала в качестве сотрудника газеты «Новости недели», где он сумел создать одно из наиболее удачных и любимых читателями приложение «Еврейский камертон», а последние 15 лет Школьник посвятил организации и ведению одного из самых популярных и авторитетных сетевых журналов в Интернете – «Мы здесь». В этих, почти шестистах выпусках журнала доминировала еврейская тематика и жизнь русскоязычной общины в Израиле.

Уход из жизни Леонида Борисовича Школьника – это невосполнимая потеря не только для его близких и родных, но и для всех тех, кто его знал и любил. Светлая ему память!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	(5)
Родословная матери	(6)
Родословная отца	(9)
Литва, жизнь в оккупации	(13)
Украина, Старая Синява, Херсон	(23)
Дальний Восток, Амурская обл., Куйбышевка-Восточная	(30)
10-й класс – Житомир, Кемерово	(35)
Техникум – Куйбышев (Новосибирская обл.)	(38)
Работа в Баганской РТС (Новосибирская обл.)	(46)
Служба в Армии	(49)
Елгава (Латвия)	(56)
Биробиджан, завод «Дальсельмаш»	(59)
На партийно-советской работе (1980 – 1990 гг.)	(73)
Работа в АО «ЕВА»	(98)
Подводя жизненные итоги	(106)
Эпилог	(117)
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Р. Сандик. И все-таки верю – разум победит!	(122)
Вспоминая Леонида Школьника	(128)